

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1954

С. С. СОРОКИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КЕРАМИКИ КАТАКОМБНЫХ МОГИЛ ФЕРГАНЫ*

В 1950 г. археологическим отрядом Памиро-Ферганской комплексной экспедиции, руководимой А. Н. Бернштамом, в долине реки Сох в урочище Бор-Корбаз были раскопаны 10 курганов¹. Погребальный обряд вскрытых погребений однообразен. В восьми случаях погребения устроены в подбоях, вырубленных в грунте на глубине 2—3 м в восточной стенке прямоугольной могильной ямы, во всю ее длину. Подбой отделен от входа каменными плитами, поставленными на ребро. Ямы завалены крупными камнями. В двух случаях погребения помещены в овальных камерах, длинная ось которых перпендикулярна входной яме (айвану), также заваленной камнями. Все погребения одиночные. Костяки расположены в подбоях или камерах в деревянных гробовищах, на деревянных ложах или на камышевых циновках; они лежат в вытянутом положении на спине. В семи подбоях они ориентированы головой на север, в одном — на юг и в двух камерах — на восток. В двух могилах погребены мужчины, в шести — женщины, в одной — юноша и в одном случае пол не определен.

Примером мужского погребения может служить погребение в кургане № 1 (рис. 1). Здесь в подбое на деревянном ложе или в деревянном гробовище лежал костяк мужчины средних лет. Вне гробовища у головы лежали несколько отдельных костей барана и остатки небольшого железного предмета. Рядом стояли два глиняных горшка — кружка и кувшин (рис. 2, 1, 3). В ногах, также вне гробовища, стоял еще один кувшин, закрытый каменной плиткой (рис. 2, 2). У шейных позвонков собраны бусы; у пояса находились две железные пряжки. Поперек тазовых костей лежал железный черешковый кинжал в ярко-красных деревянных ножнах с двумя железными обоймицами, с помощью которых он подвешивался к поясу в почти горизонтальном положении. Вдоль левой ноги лежал колчан со стрелами, от которого сохранились только тлен, железный крючок

* Когда настоящая статья была уже в верстке, вышла в свет работа М. Э. Воронца «Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии Наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах» (Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. 2, Ташкент, 1954). Материалы, в ней опубликованные, не могли быть учтены, но они не противоречат нашим выводам.

¹ Выражаю благодарность А. Н. Бернштаму, предоставившему мне возможность пользоваться всем открытым им материалом.

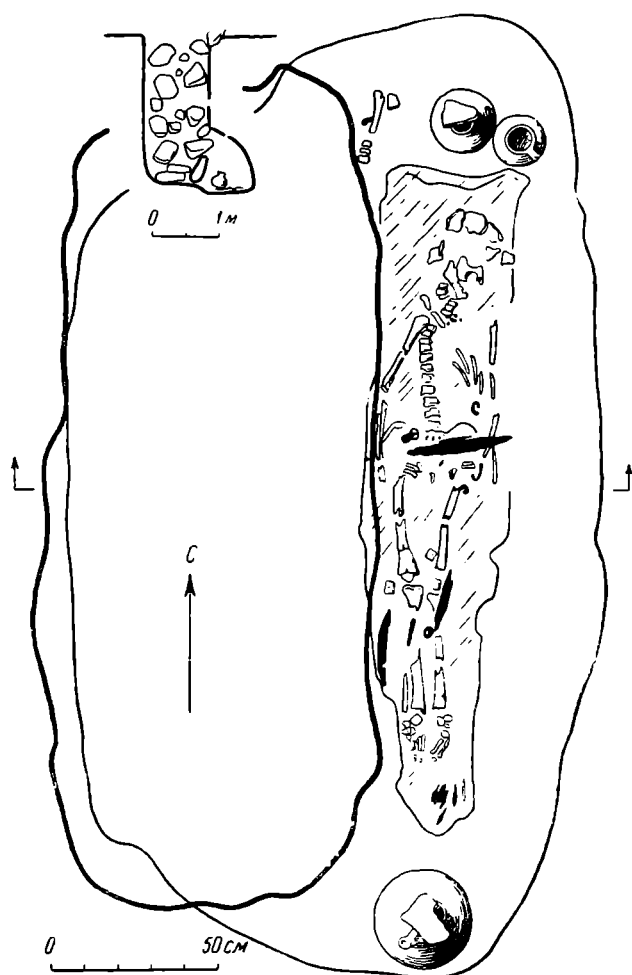

Рис. 1. Бор-Корбаз, курган № 1, план и разрез погребения

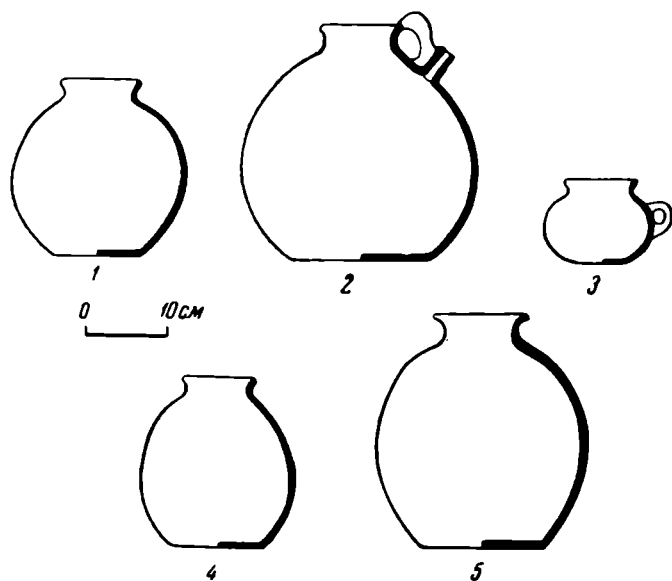

Рис. 2. Бор-Корбаз, керамика
1—3 — курган № 1, 4, 5 — курган № 2

и 9 железных трехперых наконечников стрел. Под кинжалом — железный нож. Два подобных же ножа находились у правого колена, и рядом с ними — каменная подвеска. Тут же лежали 4 бараньих астрагала и вдоль правой ноги — лук, от которого сохранилась лишь срединная костяная накладка.

Второе мужское погребение аналогично первому.

Примером женского погребения может служить погребение в кургане № 2. Здесь, также в подбое, в деревянном гробовище, сделанном из арчевых тесаных досок, лежал скелет женщины. Вне гробовища у северного края подбоя находились несколько костей барана. В южном — стояли два глиняных кувшина (рис. 2, 4, 5). В области шеи было собрано

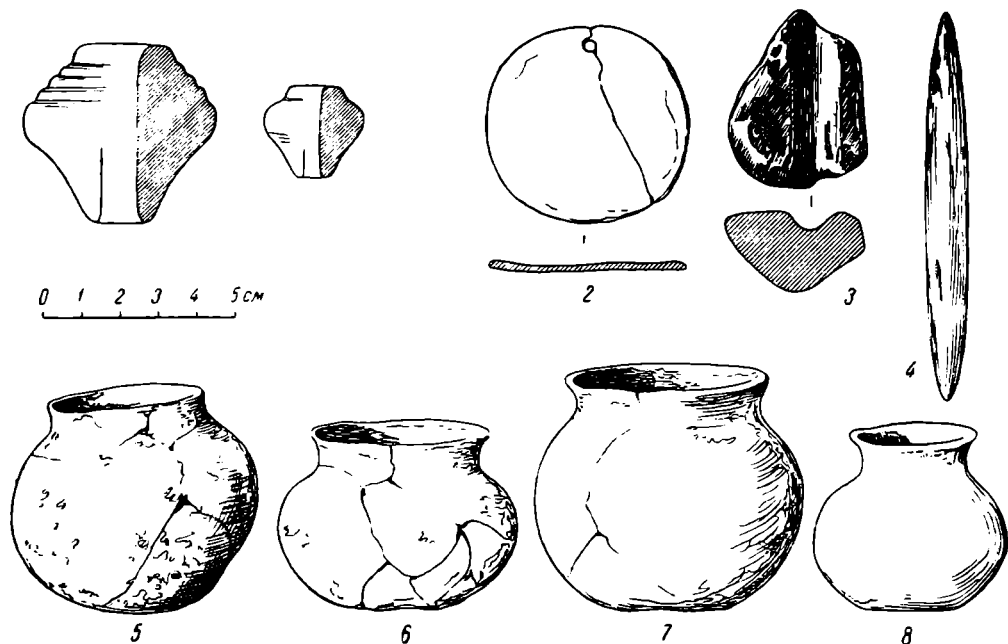

Рис. 3. Бор-Корбаз, курган № 2

1 — глиняные пряслица; 2—8 — женский косметический набор: бронзовое зеркало, графит, каменный заостренный стержень, миниатюрные горшочки

несколько бусин. В ногах находились четыре миниатюрных глиняных горшочка, бронзовое зеркало, кусок графита с протертым желобком и каменный стержень с заостренными концами (рис. 3, 2—8). У черепа найдены две серебряные серьги.

Остальные женские погребения аналогичны этому. Их инвентарь представлен крупными глиняными горшками (по два и по три в каждой могиле), различными, но немногочисленными мелкими украшениями, глиняными биконическими пряслицами, покрытыми красным или черным ангобом, и характерными косметическими наборами, состоящими из двух, трех или четырех миниатюрных глиняных горшочков, бронзового зеркала, каменного заостренного стерженька для подкраски бровей и красок (черной — в виде графита, красной и белой). В кургане № 9 женский костяк лежал в деревянном гробу, сделанном из хорошо обработанных досок, врезанных в пазы вертикальных угловых стоек. Доски оканчивались шипами и были закреплены в стойках деревянными четырехгранными шпонками. В этом же погребении около головы, вне гроба, стояло большое деревянное блюдо-столик на ножках, на котором лежало несколько

бараньих костей. Следы деревянных блюд и бараньи кости найдены и во всех других могилах.

Женские косметические наборы, аналогичные бор-корбазским, известны из раскопок Н. И. Веселовского в 1885 г. в районе кишлаков Чадак и Ашт в Северной Фергане¹. Из кургана № 2 Чадака происходит китайская монета «у-чжу». Эти монеты бытовали с II в. до н. э. до VII в. н. э. Такая же монета известна из могильника у Ширин-сая, датируемого по основной массе погребений II—III веками н. э., а в целом охватывающего I—IV вв. н. э.² В погребении 28 этого могильника была найдена кружка с ручкой в форме зверька. Такие кружки, характерные для сармато-аланских комплексов Кубани и Дона первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры, бытовали в районе Ташкента в I—II вв. н. э., а, может быть, уже и в I в. до н. э. В могиле 5 Ширин-сая такая кружка найдена вместе с кусочками графита и каменным заостренным стержнем, т. е. характерным для Бор-Корбаза косметическим набором. В районе нижнего течения Кафирнигана кружка с ручкой в виде зверька найдена в слоях раннекушанского времени³. Керамика Бор-Корбазского могильника аналогична ширин-сайской. В особенности это относится к кувшинам со сравнительно узким горлом и отогнутым наружу венчиком. По форме костяных накладок на лук, пряжкам, а, может быть, и кинжалам, бор-корбазские катакомбные погребения могут быть также сопоставлены с катакомбными погребениями, раскопанными на арыке Джун вблизи Ташкента. В одном из них найден железный меч, который может быть датирован III—IV веками н. э.⁴ Могильник Бор-Корбаз, бесспорно, относится к первой половине I тысячелетия н. э., и тесная его связь, как это будет показано ниже, с памятниками равнинной Ферганы времени расцвета ее культуры не позволяет слишком повышать его датировку. На Бор-Корбазском могильнике пришлось подробно остановиться потому, что материалы его еще не опубликованы, а в дальнейшем изложении к нему придется часто возвращаться⁵.

Кроме Бор-Корбаза, в Фергане известны и другие могильники с погребениями в камерах или подбоях. К ним относятся: Джангаил в 15 км к юго-западу от г. Ферганы и Гур-мирон к юго-западу от Намангана, раскопанные А. Н. Бернштамом в 1951 г., а также Исфаринский могильник, обследованный Б. А. Латыниным в 1933 и 1934 гг.⁶

¹ Материал хранится в отделе Востока Государственного Эрмитажа, дневники раскопок — в архиве ЛОИИМК.

² В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 94 и 97.

³ Раскопки Кафирниганского отряда Таджикско-Согдийской экспедиции 1950 г. Материал не опубликован.

⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 154 и вклейка.

⁵ Краткая характеристика дана в книге А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» (Л., 1951), стр. 115 и 116. Автор считает катакомбы Бор-Корбаза гуннскими. Однако такое утверждение представляется необоснованным.

⁶ Некоторые другие могильники, конструкция могил которых отлична от Бор-Корбазского или не во всех случаях может быть точно установлена, — такие, например, как могильник у селения Найман Ферганской области, исследованный В. Д. Жуковым (В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. Узб. филиала Академии Наук СССР, 1940, № 10, стр. 21—27), могильник в Ширин-сая, исследованный В. Ф. Гайдукевичем в 1943—1944 гг. (В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 92—97), и, возможно, могильники у Чадака и Ашта, раскопанные А. И. Веселовским в 1885 г. (материал хранится в отделе Востока Государственного Эрмитажа), — не могут быть прямо причислены к группе катакомбных могильников Ферганы, но сходство ритуала и инвентаря, территориальная близость и близкие датировки вполне позволяют их сопоставлять и рассматривать в тесной связи.

Все эти могильники относятся к первой половине I тысячелетия н. э. Они находятся в ограниченном географическом районе и представляют собой единую группу, для которой характерны следующие признаки:

1. Захоронения под курганами в подбоях или камерах, — одиночные, реже парные или коллективные, — в деревянных гробах, на досках или на циновках; входы в камеры завалены камнями.

2. Костяки лежат на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентировка чаще всего северная или восточная, реже южная.

3. Обязательны отдельные кости барана, часто положенные вместе с железным ножом на деревянное блюдо-столит.

4. Обязательно, за редкими исключениями, наличие особой формы глиняных горшков (кувшины с ручками и без ручек, иногда с носиками, кубки с петлеобразными ручками или ручками в виде фигурок зверей, иногда фляги с плоским боком или сосуда индивидуальной формы).

5. Четкое различие инвентаря мужских и женских погребений: в мужских могилах — оружие (железный кинжал, сложный лук с костяными обкладками и стрелы с трехперыми железными наконечниками), в женских — наборы предметов косметики (зеркала, миниатюрные сосудики, каменный стерженек, краски).

6. Типичная форма биконических пряслиц (только в женских погребениях) и сходство мелких предметов.

Керамика, происходящая из этих могильников, представлена следующими группами:

1. Кувшины ручной лепки с округлым, иногда неправильным корпусом, широким плоским дном, относительно узким, низким горлом и мягко отогнутым наружу венчиком. Поверхность их неровная, со вмятинами мягких очертаний, покрытая жидкой светложелтой или красноватой затиркой. Некоторые экземпляры украшены по плечикам волнистой линией или кружковыми вдавлениями. Высота их — около 20 см, диаметр такой же (рис. 4, 1, 2; Ширин-сай, Гур-мирон).

2. Кувшины ручной лепки или станковой работы, с округлым, иногда несимметричным корпусом, с пропорциональным плоским дном и сравнительно узким, низким горлом, с мягко отогнутым наружу венчиком. Некоторые из них имеют довольно стройные пропорции, другие приземисты и округлы. Поверхность чаще неровная, со вмятинами мягких очертаний, отделанная жидкой глиной. Некоторые экземпляры украшены широкими полосками красного или бурого ангоба, волнистыми прорезными линиями или кружковыми вдавлениями. Встречаются кувшины с петлеобразными ручками и иногда с почти вертикальными носиками. Высота этих кувшинов — 20—40 см, диаметр — 20—30 см (рис. 4, 3—7; Бор-Корбаз, Джангаил, Гур-мирон, Ширин-сай, Исфара, Найман).

3. Такие же кувшины, но с корпусом, приближающимся к биконической форме. Их высота — 20—30 см, диаметр — 15—20 см (рис. 4, 8—10; Исфара, Джангаил, Найман).

4. Кружки или кубки с петлеобразной ручкой, с ручкой в виде животного или без ручек, вылепленные от руки или станковой работы. Тесто или грубое, или тонкое, красное. Дно плоское, средних размеров. Корпус округлый, горло сравнительно широкое, венчик отогнут наружу, иногда — сильно, реже — слабо. Высота — 10—15 см, диаметр — около 10 см (рис. 4, 11—15; Бор-Корбаз, Исфара, Гур-мирон, Джангаил, Апт, Ширин-сай).

5. Миски или чаши, тонкостенные, красного лощения, изготовленные на гончарном круге или от руки, с плоским или выпуклым дном. Высота —

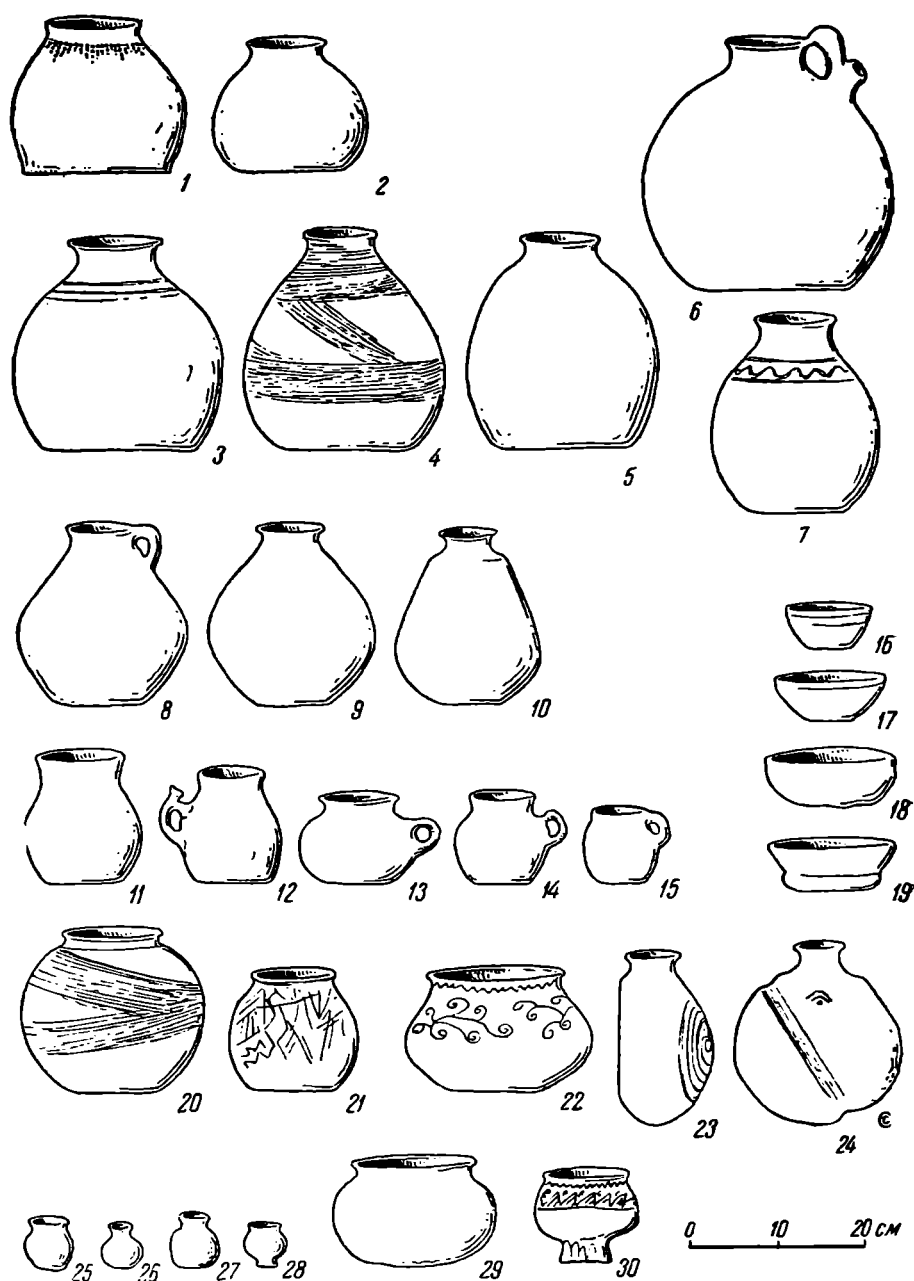

Рис. 4. Основные группы керамики катакомбных могил Ферганы

1 — Гур-мирон, курган № 11; 2 — Ширин-сай, погребение 24; 3 — Джангаил, курган № 3; 4 — Гур-мирон, курган № 24; 5 — Бор-Корбаз, курган № 15; 6 — Бор-Корбаз, курган № 1; 7 — Ширин-сай, погребение 11; 8 — Кувинский могильник; 9 — Джангаил, курган № 14; 10 — Исфара; 11 — Джангаил, курган № 11; 12 — Ширин-сай, погребение 28; 13 — Бор-Корбаз, курган № 1; 14 — Бор-Корбаз, курган № 19; 15 — Гур-мирон, курган № 9; 16 — Джангаил, курган № 3; 17 — Джангаил, курган № 14; 18 — Ширин-сай, погребение 25; 19 — Кувинский могильник; 20 — Гур-мирон, курган № 3; 21 — Гур-мирон, курган № 11; 22 — Кувинский могильник; 23 — Ширин-сай, погребение 14; 24 — Джангаил, курган № 26; 25 — Бор-Корбаз, курган № 9; 26 — Бор-Корбаз, курган № 2; 27 — Бор-Корбаз, курган № 4; 28 — Бор-Корбаз, курган № 12; 29 — Бор-Корбаз, курган № 7; 30 — Исфара

6—10 см, диаметр — до 20—25 см (рис. 4, 16-19; Джангаил, Ширин-сай, Найман).

6. Горшки боченкообразной формы с округлым корпусом и сравнительно большим дном и горлом. Венчик нередко четко выделен, поверхность сплошь или полосами покрыта красно-бурым ангобом и иногда украшена процарапанным орнаментом. Высота — около 20 см, диаметр дна — 10—15 см (рис. 4, 20, 21; Гур-мирон).

7. Горшки приземистые, изготовленные на круге или от руки, с биконическим или округлым корпусом; покрыты красным ангобом и украшены процарапанным орнаментом. Высота — 10—15 см, диаметр — 15—20 см (рис. 4, 22; Найман).

8. Фляги с плоским боком (рис. 4, 23, 24; Джангаил, Ширин-сай).

9. Миниатюрные лепные сосудики (рис. 4, 25—28; Бор-Корбаз, Джангаил, Ширин-сай).

10. Некоторые не типичные формы сосудов (рис. 4, 29, 30).

Большинство сосудов изготовлено без применения гончарного круга или на круге с малой инерцией вращения. Станковой посуды сравнительно мало. Сосуды внутри каждой группы очень сходны между собой, но никаких элементов стандартизации нет. Нельзя найти двух совершенно одинаковых сосудов, происходящих из одного могильника или даже из одного погребения. Характер поверхности дна и перехода от дна к корпусу у лепных кувшинов заставляет предполагать по крайней мере два способа лепки: а) лепка на подставке, — если дно ровное, плоское, с отпечатками подсыпки и переход к корпусу резкий и б) лепка округлого дна на руках, с последующим его уплощением, — если дно со вмятинами мягких очертаний и переход от дна к корпусу плавный (рис. 5).

В свое время В. Ф. Гайдукевич указывал на общность многих керамических форм могильника в Ширин-сае с керамикой древней Ферганы первых веков нашей эры¹. О связях материалов равнинной и предгорной Ферганы многократно писал А. Н. Бернштам. Теперь же возможно не только иллюстрировать эту общность, но, используя новый материал, в какой-то мере раскрыть ее содержание.

Ранние параллели для керамики ферганских катакомбных погребений прослеживаются пока еще на малом количестве примеров. В нижних слоях городища Эйлатан в районе Хакулабада², относящихся, видимо, к началу I тысячелетия до н. э. (а, может быть, и к более раннему времени), наряду с керамикой архаического типа, представленной открытыми

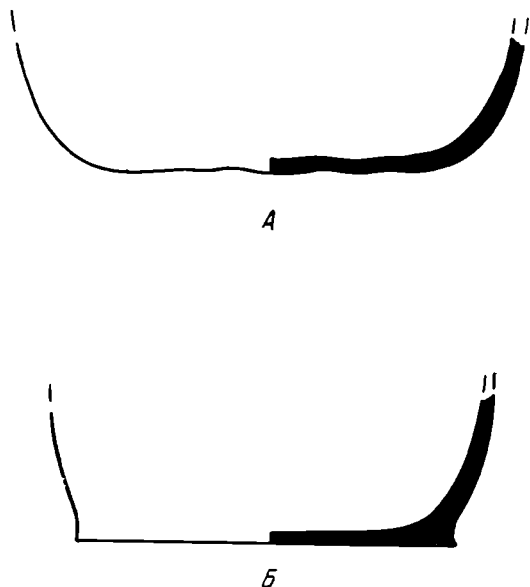

Рис. 5. Формы дна сосудов из катакомбных могил Ферганы

¹ В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 97.

² Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане. Сб. «Археологические работы на новостройках». — ИГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935.

чашами без закраин, вылепленными из глины с растительными примесями и отделанными жидким липовато-красным ангобом и лощением или росписью, — встречаются также более развитые формы сосудов с биконическим или округлым корпусом, сравнительно узким горлом и плавно

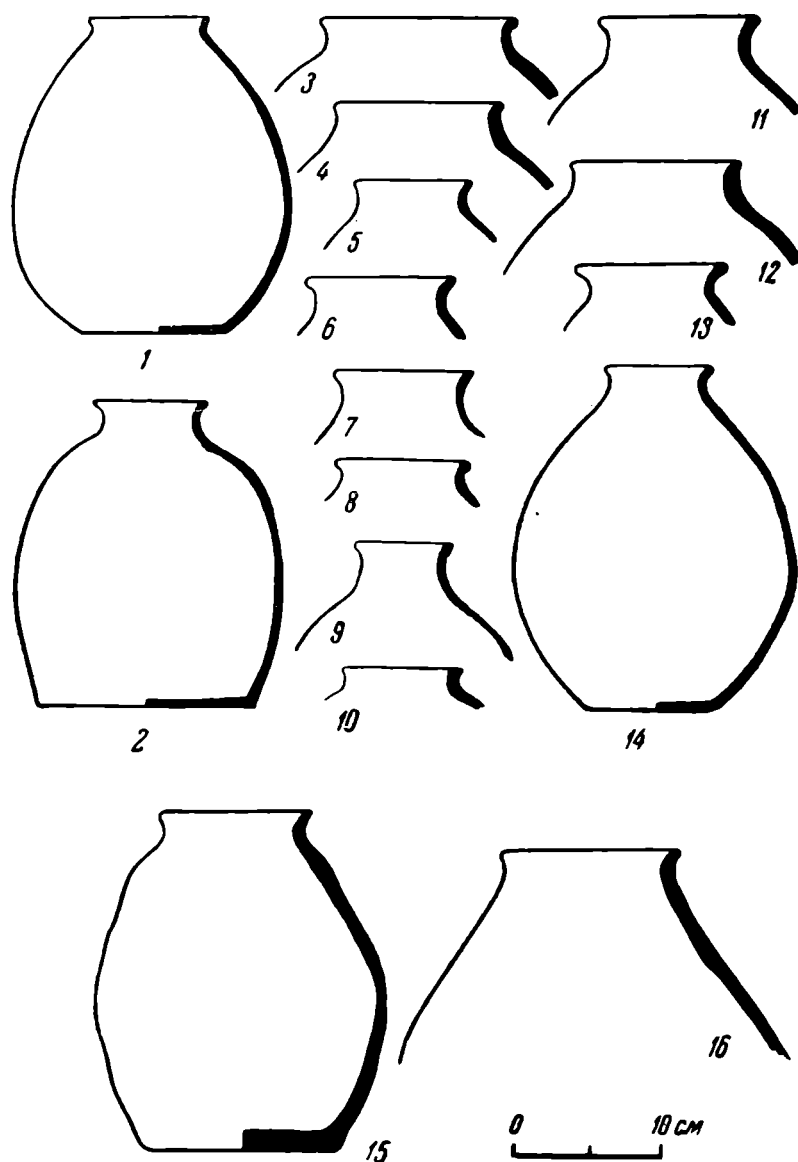

Рис. 6. Типы кувшинов из ферганских городищ и тепе

1 — Нарын-тепе у железнодорожного полотна; 2 — Большой Ферганский канал, Кугай; 3 — Ак-мав; 4, 6, 12, 13 — Масы; 5 — Касан; 7—9 — Мархамат; 10 — Гульча; 11 — Лякан; 14 — Кува-сай; 15 — Большой Ферганский канал, Майли-сай; 16 — Эйлатан

отогнутым наружу венчиком (рис. 6, 16). Аналогичной формы грубые кувшины с грушевидным корпусом и сравнительно узким горлом и отогнутым наружу венчиком найдены в нижних слоях поселения у Майли-сай¹

¹ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР, Ташкент, 1951, т. IV, табл. IX, 7.

вместе с полусферическими ангобированными чашками усуньского типа, датируемыми, по аналогии с чашами из Киргизии, III—I веками до н. э. (рис. 6, 15). К форме этих сосудов восходят формы кувшинов из катакомбных могил Ферганы. К отделке поверхности лиловато-красным слоем, возможно, восходят красный ангоб и лощение, встречаемые почти на всех формах глиняных изделий Ферганы первых веков нашей эры. В это время продолжает также жить древний местный прием смешения глины с мелко изрубленными растительными примесями. В могильнике, вскрытом на 8-м участке Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина, найдены кувшины с округлым корпусом и сравнительно узким горлом, с отогнутым наружу венчиком¹, т. е. по форме аналогичные типичным кувшинам катакомбных могил первых веков нашей эры, но изготовленные из глины с растительными примесями.

Еще больше сходства обнаруживает описываемая керамика с керамикой из тепе у железнодорожного полотна (раскопки Б. А. Латынина на землях Нарынского совхоза)². Здесь, в слоях первых веков до нашей эры, найдено много кувшинов с яйцевидным корпусом, широким плоским дном и низким, сравнительно узким горлом, с отогнутым наружу венчиком. Эти кувшины ничем не отличаются от кувшинов того же типа в Джангаиле, Гур-мироне, Наймане, Бор-Корбазе и других катакомбных могильниках Ферганы (рис. 7). На некоторых кувшинах из тепе у железнодорожного полотна — роспись широкими полосами бурого или красного ангоба, знакомая нам по керамике Наймана и Гур-мирона. Кувшины из тепе также лепные или изготовлены на круге с малой инерцией вращения. Некоторые из них сделаны из плотного, хорошего теста и отделаны красным ангобом и процарапанным орнаментом. Процарапанным орнаментом украшены также два боченковидных сосуда из Гур-мирона (рис. 4, 21), чаша на поддоне из Исфары, черепок из засыпи могильной ямы кургана № 32 Бор-Корбаза и многие сосуды Наймана. Керамика с красным ангобом и прочерченным орнаментом датируется первыми веками до нашей эры и первыми веками нашей эры, т. е. она одновременна, а в некоторых случаях древнее керамики катакомбных могил Ферганы. Эта керамика типична для Ферганы эпохи подъема ее культуры в кушанское время³.

При раскопках на Мархаматском городище в слоях первых веков нашей эры собрано много фрагментов от кувшинов, аналогичных кувшинам ферганских катакомбных могил. Это типичные кувшины с округлым корпусом, сравнительно узким горлом и отогнутым наружу венчиком. Они в большинстве случаев изготовлены из тонкого теста, становящегося после обжига красным и звонким, но попадаются также экземпляры грубой выделки, более типичной для керамики катакомбных могил (рис. 6, 7—9). Из этого же слоя происходят фрагменты с красным ангобом и прочерченным орнаментом, а также миниатюрный сосудик, совершенно аналогичный сосуду из кургана № 2 Бор-Корбаза.

Кувшины с округлым корпусом, сравнительно узким горлом и отогнутым наружу венчиком, столь типичные для катакомбных ферганских могил, найдены на большинстве ферганских городищ и тепе кушанского времени. Они имеются в материале раскопок А. Н. Бернштама в Касане (рис. 6, 5), в подъемном материале комплексов Ак-Ман, Чука-тепе и

¹ Т. Г. Оболдуева. Ук. соч., табл. X, 7.

² Б. А. Латынин. Ук. соч.

³ Вслед за Б. А. Латыниным авторы отчетов о работах на Большом Ферганском канале им. И. В. Сталина относят ее к периоду ФII и называют даваньской. См. Труды Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР, Ташкент, 1951, т. IV.

Масы в Северо-восточной Фергане (рис. 6, 3, 4, 6, 12, 13), в материале из шурфа, заложенного на тепе у пос. Гульча в горной долине южнее г. Ош (рис. 6, 10), в керамике тепе Лякан и др. в районе Соха и Исфары (рис. 6, 11). В 1951 г. у Кува-сая в Муяньских горах в пещере, открытой Ташкентской геологической партией и обследованной научным

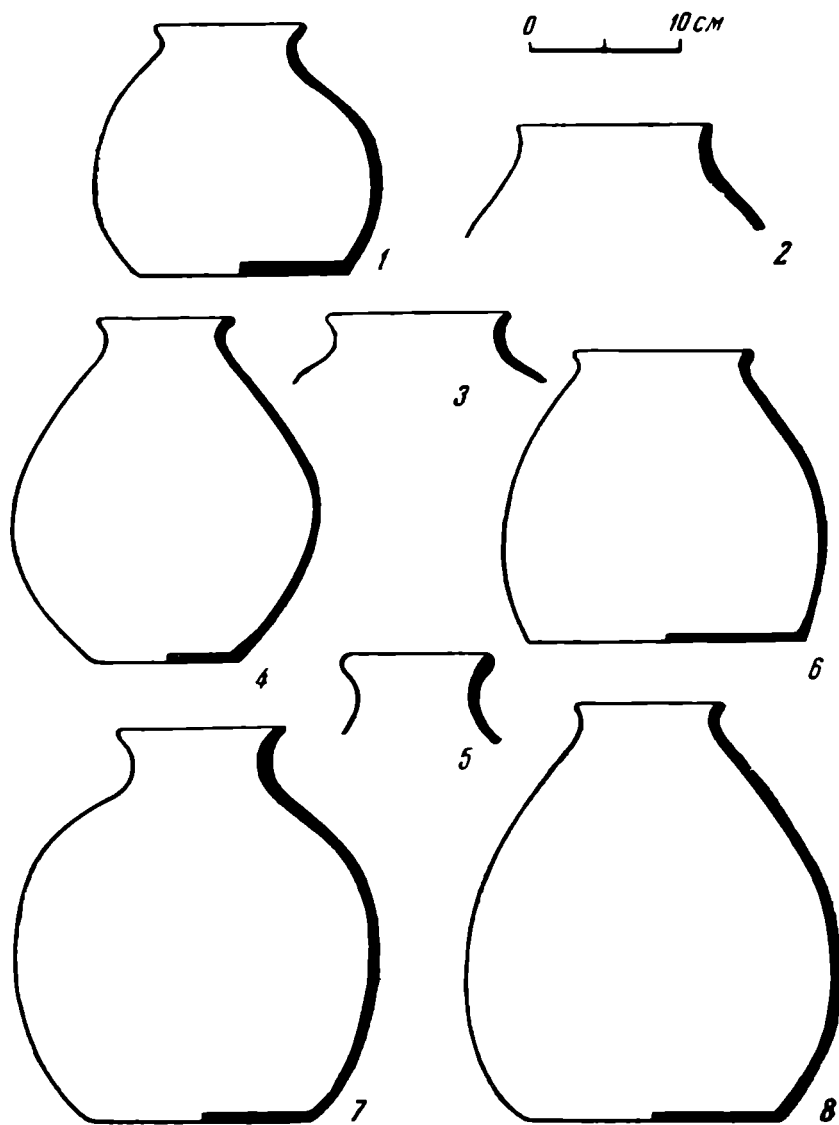

Рис. 7. Типы кувшинов из ферганских могил

1 — Ширин-сай; 3, 5 — Исфара; 4 — Джанганл; 6—8 — Гур-миров;
7 — Бор-Корбаз

сотрудником Ферганского областного музея археологом Н. Г. Горбуновой, вместе с остатками дерева и фрагментами человеческих костей найдены кувшины, аналогичные кувшинам из катакомбных могил (рис. 6, 14). Прямые параллели рассматриваемой керамике есть также в материале, полученном археологическим надзором на строительстве Большого Ферганского канала. Земляными работами строительства было вскрыто большое количество поселений и могильников первых веков нашей эры с крас-

ноангобированной, с прочерченным орнаментом, керамикой и с типичными, знакомыми нам формами кувшинов (рис. 6, 2, 15). Ритуал погребения также сходен с катакомбными могилами (положение костяков, ориентировка и т. д.), но погребения, видимо, были в грунтовых ямах. В этих могилах найдены обычные ферганские биконические пряслица и характерные каменные остря. На поселении 13-го участка Большого Ферганского канала слои с красноангобированной керамикой с прочерченным орнаментом, залегают выше слоев с расписными чашами анаусского типа и ниже слоев времени, предшествующего арабскому завоеванию¹. Большая часть могильников, вскрытых при работах на Большом Ферганском канале, непосредственно связывается с относящимися к ним поселениями. То же самое можно сказать о Найманском могильнике и находящемся поблизости от него поселении Таш-мазар. В 1,5 км от Бор-Корбазского могильника на двух открытых селищах собран материал, который дал образцы керамики, совершенно аналогичные керамике могильника, что также позволяет непосредственно связывать эти комплексы.

Таким образом, керамика катакомбных могил Ферганы находит массовые и полные аналогии в керамике всех известных в Фергане могильников и в керамике ферганских поселений первых веков нашей эры. Сходство наблюдается в формах сосудов (кувшины, чаши и др.), в характере отделки поверхности (красный ангоб, прочерченный орнамент, раскраска широкими полосами) и в технике изготовления.

Следует еще добавить, что типичные для катакомбных могил Ферганы биконические пряслица, отделанные красным или черным ангобом (рис. 3, 1), найдены в кушанских слоях Мархамата, в материале поселений и могильников по трассе Южного Ферганского канала, в тепе района Уч-кургана и Нарынского совхоза, в тепе, городищах и могильниках по трассе Большого Ферганского канала и в ряде других поселений первых веков нашей эры. Фляги с плоским боком, найденные в Ширин-сае и Джангаиле, распространены в кушанское время от Южного Казахстана до Афганистана и от Среднего Зеравшана до востока Ферганы.

Таким образом, устанавливается, безусловно, местный, — выросший на местной основе и связанный с керамикой поселений земледельческой Ферганы, — характер основных типов керамики ферганских катакомбных могил.

Теперь выйдем за пределы долины и рассмотрим интересующую нас керамику с более широких позиций: сравним ее с керамикой земель, окружающих Фергану.

На западе, в Ташкентском оазисе аналогичны ферганским формы кувшинов из катакомб у Вревской². Кувшин с носиком и ручкой из кургана № 5 (рис. 8, 10) сходен с бор-корбазским (рис. 8, 17), а орнаментирован он волнистой линией подобно ширин-сайским. Фляга с плоским боком из кургана № 2 аналогична всем сосудам этого типа. Она имеет горловину и венчик такие же, как у кувшинов ферганских катакомбных могил; миниатюрные сосудики курганов № 2 и 5 подобны сосудикам из косметических наборов Бор-Корбаз. Из кургана № 5 у Вревской происходит кружка с ручкой в форме зверя. Такая же кружка известна в Ширин-сае, а в других ферганских катакомбных могилах встречаются такого типа

¹ Т. Г. Оболдуева. Ук. соч., стр. 33.

² М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии Наук Узбекской ССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1. Ташкент. 1951.

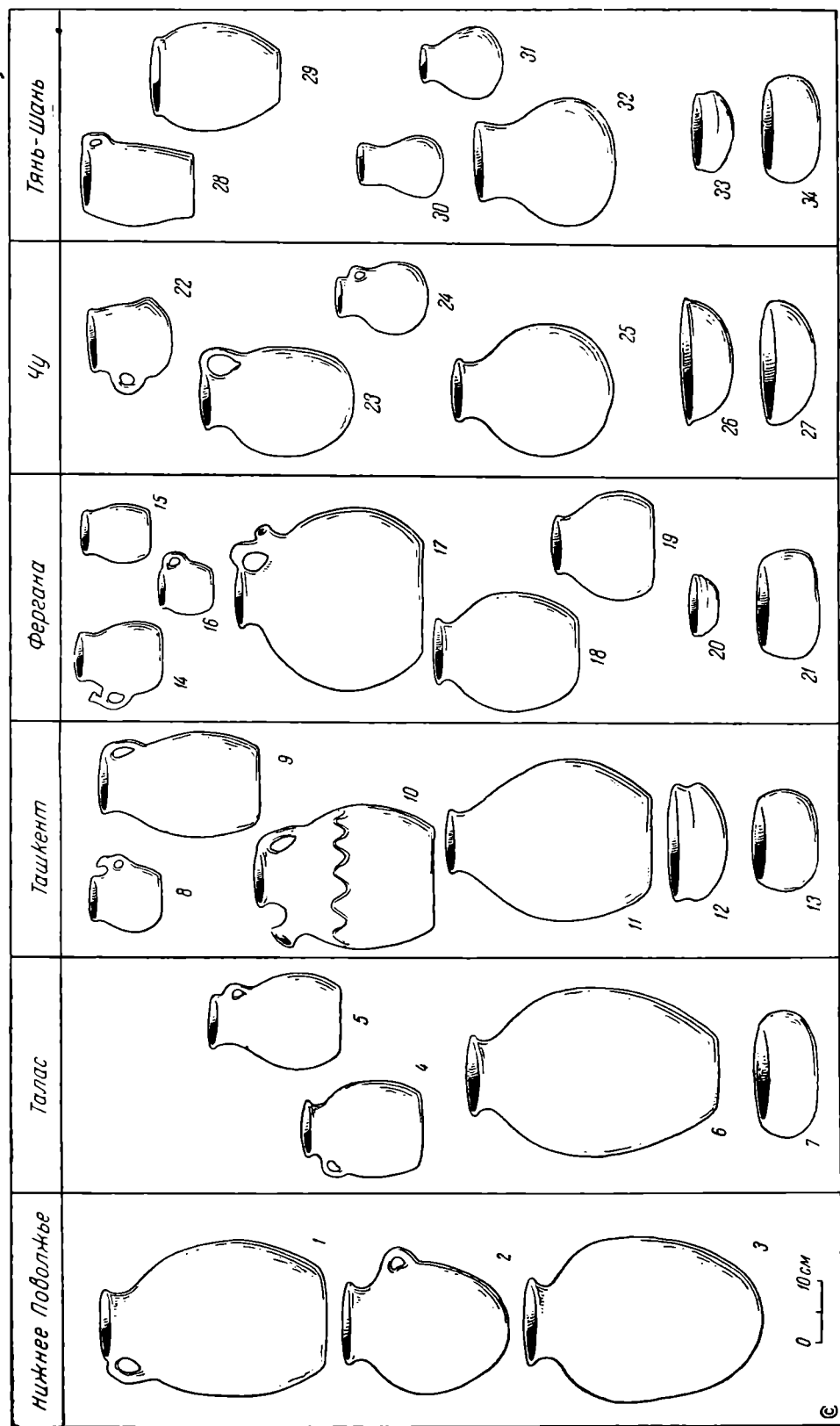

Рис. 8. Основные формы керамики катакомбных могил Ферганы и аналогичные формы керамики Нижнего Поволжья, Таласа, Ташкента, Чу и Тянь-Шань

1 — с. Усаатово, р. Еруслан, курган № 16; 2 — с. Бородаевка, курган № 6, погребение 2; 3 — с. Бородаевка, курган № 10, погребение 11; 4 — Кенкол, курган № 10; 5 — Чулг-тепе, курган № 18; 6 — Алта-бай, курган № 30; 7 — Айри-тай, курган № 3; 8 — Кауичи-тепе; 9 — Вревская, курган № 1; 10 — Вревская, курган № 5; 11 — Вревская, курган № 2; 12 — Кауичи-тепе; 13 — Бургунлок; 14 — Ширин-сай, погребение 28; 15 — Гур-мирон, курган № 9; 16 — Гур-мирон, курган № 3; 17 — Бор-Корбаз, курган № 1; 18 — Гур-мирон, курган № 9; 19 — Ширин-сай, погребение 24; 20 — Джангаил, курган № 3; 21 — Тюлейкен; 22 — Бурана, курган № 4, могила 3; 23 — Бурана, курган № 2; 24 — Бурана; 25 — Бурана, курган № 3; 26 — Бурана, курган № 1; 27 — Берк-кара; 28—29 — Кызарт, курган № 10; 30 — Аламышик, курган № 46; 31 — Соколовка, курган № 5; 32 — Джергес, курган № 2; 33 — Соколовка, курган № 5; 34 — Джергес, курган № 55

кружки, но с петлеобразными ручками. В Фергане такие кружки до сих пор находили как будто только в мужских погребениях. Кружки с ручками в виде фигурки зверя широко распространены в Ташкентском районе и в сармато-аланских комплексах первых веков до нашей эры — первых веков нашей эры¹. Высокие кувшины с ручками из кургана № 1 у Вревской (рис. 8, 9) сходны с аналогичными кувшинами Ферганы и Таласской долины.

В катакомбах Каунчи, датируемых первыми веками нашей эры, встречены известные и в Фергане формы кувшинов и кружек с ручками в виде зверьков (рис. 8, 8), а в материалах Ташкентского канала — сосуды с процарапанным по красному ангобу орнаментом².

Катакомбы, раскопанные Т. Г. Оболенской на арыке Джун в районе Ташкента и датируемые III—IV веками н. э., также имеют ряд черт, роднящих их с катакомбами Ферганы и по конструкции могил, и по предметам вооружения и одежды, и по керамике. В джунских катакомбах найдены фляги с плоским боком.

На левом берегу Чирчика к востоку от с. Ореховского при работах на Ташкентском канале также были найдены погребения в катакомбах, аналогичные ферганским и по обряду и по инвентарю (ножи, пряжки, каменные стерженьки и графит, бронзовые зеркала, однолезвийные кинжалы и типичная, знакомая нам керамика — кувшины с нешироким горлом и отогнутым наружу венчиком, маленькие горшочки, миски и кружки с ручками в виде животных). Сосуды — лепные, с поверхностью, отделанной красным ангобом и лощением. А. И. Тереножкин датирует эти могилы временем с первых веков по V—VI вв. н. э.³ Этот могильник увязывается с соседним одновременным ему поселением, в слоях которого найдена керамика, аналогичная керамике могильника, в частности кружки с ручками в виде животных.

Таким образом, ферганские катакомбные могилы связаны, как мы пытались показать, с одновременными им ферганскими поселениями, с катакомбами, а также и с поселениями Ташкентского района, относящимися к первой половине I тысячелетия н. э. Тесная взаимосвязь и почти полное сходство рассматриваемых памятников Ферганы с одновременными им памятниками Ташкента совершенно очевидны по целому ряду признаков, в том числе и по керамике. Однако полного тождества керамических форм Ташкента и Ферганы ждать не следует — каждый из этих районов имеет свои особенности. Ташкентская керамика первых веков нашей эры отличается от ферганской хотя бы, например, более широким распространением кубков с ручками в виде зверьков и несколько более стройными пропорциями кувшинов, причем преобладают кувшины с ручками.

Сходство керамики ферганских катакомбных погребений, как и всей вообще керамики Ферганы кушанского времени, с одновременной керамикой Ташкентского района это — первое, что необходимо отметить при сопоставлении памятников Ферганы и окружающих ее областей. Вторым, не менее важным, фактом является генетическая связь или, лучше сказать, родство керамики ташкентских катакомб и одновременных им поселений с керамикой бургулюкской культуры, связанной с усуньской культурой Семиречья II—I вв. до н. э. По этому поводу еще в 1940 г.

¹ Т. Н. К н и п о в и ч. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 73.

² Г. В. Г р и г о р ь е в. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940. С датировкой Г. В. Григорьева согласиться нельзя. Нами принята датировка А. И. Тереножкина.

³ А. И. Т е р е н о ж к и н. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. Узбекского филиала Академии Наук СССР, 1940, № 9, стр. 30—36.

А. И. Тереножкин в отчете о работах на Ташкентском канале писал: «Глиняная посуда усуней отличается от бургулюкской лишь большим разнообразием форм и приближается в этом отношении к керамическим изделиям Ташкентской области первых веков нашей эры»¹. Это совершенно верно, и теперь можно констатировать, что керамика ферганских катакомб связана, с одной стороны, с керамикой одновременных им и более ранних ферганских поселений и, с другой стороны, — с одновременной ей керамикой Ташкентского района, которая в свою очередь генетически связана с более ранней местной керамикой и с керамикой усуньского круга. Следовательно, в вопросе происхождения керамики ферганских катакомбных могил следует учитывать ее связь с усуньской керамикой. К этому же заключению приводит и прямое сопоставление ранней ферганской керамики с усуньской. Но об этом несколько ниже.

Теперь обратим внимание на район Нижнего Поволжья, на широко распространенные там подбойные захоронения, сходные с ташкентскими и ферганскими не только по конструкции могил, но и по положению костяков и их ориентировке, наличию деревянных досчатых гробовищ, деревянных настилов или цыновок, наличию в подавляющем большинстве погребений, — если не во всех, — отдельных костей барана, положенных вместе с железным ножом на деревянное блюдо на ножках у головы покойника, по составу предметов вооружения (трехперые наконечники стрел, костяные накладки на лук, кинжалы, иногда мечи), по женским косметическим наборам и ювелирным изделиям, по наличию изделий из янтаря и, наконец, по керамике.

Для нижеволжских подбойных могил III—I вв. до н. э. характерны, наряду с другими, две формы керамических изделий: среднего размера круглодонные кувшины с яйцевидным корпусом и сравнительно узким горлом, с отогнутым наружу венчиком (рис. 8, 3), и кувшины несколько меньших размеров аналогичной формы, но более приземистые и с петлеобразной ручкой (рис. 8, 2). Приблизительно на рубеже нашей эры или в первые века нашей эры эти кувшины сменяются кувшинами той же формы, но с плоским дном (рис. 8, 1), которые бытуют в нижнем Поволжье в I—III вв. н. э.² Эти кувшины очень похожи на аналогичные кувшины катакомбных погребений Ташкентского района и Таласской долины (материалы Гейкеля, рис. 8, 5, 6)³, например Кенкольского могильника (рис. 8, 4)⁴. Так как нижеволжские подбойные могилы III в. до н. э. — III в. н. э. вообще во многом сходны со среднеазиатскими катакомбными могилами, то сходство их следует считать не случайным. Особенно сходны ферганские кувшины с нешироким горлом и отогнутым наружу венчиком с нижеволжскими круглодонными кувшинами. Уместно вспомнить и бор-корбазские кувшины, вылепленные в технике круглодонных сосудов с последующим уплощением дна (рис. 2, 4), датируемые II—IV вв. н. э. Нижеволжские кувшины с округлым дном относятся к III—I вв. до н. э., и поэтому кажущееся их отличие от плоскодонных ферганских кувшинов только роднит, а не отдаляет данные формы. В плоскодонных бор-корбазских кувшинах, вылепленных в технике круглодонной посуды, и во всех аналогичных формах посуды ферганских катакомб (а также и поселений)

¹ А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 33.

² И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Ученые записки Саратовского гос. университета, т. XVII, выпуск исторический, Саратов, 1947, стр. 14 и 20.

³ H. H e i k e l. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Travaux Ethnographiques, VII, Helsinki, 1918.

⁴ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

живет традиция круглодонной посуды, бытовавшей в III—I в. до н. э. в степях Нижнего Поволжья, Приуралья и Семиречья (рис. 8, 2, 3). В усуньских курганах, раскопанных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в Чуйской долине и датируемых временем с III в. до н. э. и не позднее I в. н. э.¹, найдены кувшины с яйцевидным корпусом, сравнительно узким горлом, с отогнутым наружу венчиком (рис. 8, 23—25). К формам этих кувшинов восходят формы более поздних таласских, ташкентских и ферганских плоскодонных кувшинов с округлым корпусом и отогнутым наружу венчиком на сравнительно узком горле. Возможно, что в этом же аспекте следует рассматривать круглодонную кружку-кубок с небольшой петлеобразной ручкой из третьего погребения кургана № 4 буранинской группы (рис. 8, 22)² и видеть в ней аналогию ферганским кубкам с петлеобразными ручками и кружкам с ручками в виде фигурок животных.

Переходим к восточным районам. Сравнение керамики катакомбных могил Ферганы с керамикой Тянь-Шаня и Алая, к сожалению, может быть проведено лишь на очень ограниченном материале, так как в настоящее время здесь известно лишь очень небольшое количество сосудов. Керамика катакомбных могил Тянь-Шаня и Алая представлена несколькими горшками банкообразной формы с плоским дном (рис. 8, 28, 29) или небольшими круглодонными лепными горшочками с высоким прямым горлом (рис. 8, 30). С банкообразными горшками Тянь-Шаня (Бурмачац, № 11, Кызарт, № 10; рис. 8, 29, 30) могут быть сопоставлены два сходной формы небольших горшка из кургана № 9 Гур-мирон (рис. 8, 15, 16). Один из них — с петлеобразной ручкой, аналогичной ручке сосуда из кургана № 10 Кызарт, другой — без ручки. Оба эти горшка сделаны, как и тянь-шаньские, из грубого теста, только у тянь-шаньских черепок в изломе черный, у ферганских — серый. Аналогичной формы банкообразный сосуд известен из насыпи одного из курганов Кенкола³.

Со вторым типом керамики тянь-шаньских катакомбных могил, — горшочками с высоким, прямым горлом, — ферганская керамика прямых аналогий не имеет. Сопоставление можно провести, если воспользоваться в качестве промежуточной ступени усуньской керамикой Чуйской долины, где эти горшки с прямым горлом бытуют вместе с керамикой, аналогичной керамике катакомбных могил Ферганы. Кувшины с округлым корпусом, близкие ферганским, встречаются в тянь-шаньских грунтовых, перекрытых деревянными накатами, могилах II в. до н. э. — II в. н. э. Таковы, например, два сосуда из кургана № 5 Соколовки и один сосуд из кургана № 2 Джергеса (рис. 8, 31, 32). По форме корпуса и слегка отогнутому венчику они могут быть сопоставлены с ферганскими кувшинами с округлым туловом. Из кургана № 5 Соколовки происходит шесть или семь открытых круглодонных мисок с небольшим переломом корпуса приблизительно на половине высоты (рис. 8, 33). В более ранних погребениях Тянь-Шаня профиль аналогичных мисок несколько иной: нет перелома на корпусе и края иногда загнуты внутрь (рис. 8, 34)⁴. Эти формы, несомненно, родственны, с одной стороны, аналогичным сако-усуньским формам Чуйской долины и Южного Казахстана (рис. 8, 7, 26, 27), с другой, — бургулюкской керамике Ташкентского района (рис. 8, 12, 13) и, наконец, аналогичным формам керамики Ферганы, где также для раннего времени,

¹ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4).

² Там же.

³ А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 16, табл. XIII, 2.

⁴ Е го ж е. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26, 1952, стр. 53, 61 и 63.

т. е. до рубежа нашей эры, характерны круглодонные миски с загнутыми внутрь краями (рис. 8, 21) или прямыми стенками; для более же позднего времени, т. е. приблизительно с рубежа нашей эры или с I в. до н. э., характерны более развитые формы этих мисок с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком с одним, а иногда и двумя, переломами корпуса (рис. 8, 20).

Эти миски, как простого, так и усложненного профиля, распространены на широкой территории, охватывающей Южный Казахстан, Тянь-Шань и Фергану¹.

Алай еще более беден керамикой, чем Тянь-Шань. Мелкие фрагменты горшков, найденных при раскопках Кургакского могильника в Чон-Алае, слишком невыразительны. Правда, в одном из курганов Кургака был найден черепок красного лощения. В грунтовой могиле последних веков до нашей эры под Дараут-Курганом (крайний запад Алайской долины) найден небольшой горшок с округлым корпусом и слегка отогнутым венчиком на не особенно широком горле, несколько напоминающий ферганские кувшины с округлым корпусом.

Констатируя сходство катакомбных могил Ферганы с катакомбными могилами Тянь-Шаня и Алая, следует отметить, что керамика последних не имеет того разнообразия форм, какое наблюдается в Фергане, и прямые аналогии можно найти только для одной формы — для банкообразных грубых горшков. Теснее керамика катакомбных могил Ферганы связывается с керамикой более ранних могил Тянь-Шаня. Однако даже этот расплывчатый вывод требует еще подтверждений вследствие крайней ограниченности керамического материала из катакомбных могил Тянь-Шаня и Алая первой половины I тысячелетия н. э.

Весь анализ материала показывает, что кувшины с округлым корпусом и сравнительно узким горлом с отогнутым наружу венчиком, типичные для катакомбных могил Ферганы, аналогичны, а иногда и идентичны соответствующим кувшинам ферганских поселений и могильников эпохи расцвета Ферганы на рубеже и в первых веках нашей эры. По форме эти кувшины восходят к более древним кувшинам грубой ручной лепки с неправильно-грушевидным корпусом и сравнительно нешироким горлом, с отогнутым наружу венчиком, которые находятся в слоях вместе с красной керамикой анаусского типа. В рассматриваемой керамике также продолжают жить приемы приготовления теста с растительными примесями, характерные для ранней ферганской керамики. Формы открытых чаш катакомбных могил также аналогичны формам открытых чаш ферганских поселений. Все без исключения керамические формы, происходящие из катакомбных могил Ферганы, находят аналогии в синхронных им ферганских поселениях.

¹ Отдельные экземпляры мисок такого типа были найдены в погребениях 4, 5 и 9 могильника Туп-хона (МИА, № 15, табл. 83, 4; 87, 1; 88, 1), датированных началом нашей эры. Следует еще отметить, что на городище Кей-кобад-шах, в слоях, близких к рубежу нашей эры, среди большого количества керамики, формы которой увязываются с древними местными формами, найдены фрагменты кружек с ручками в виде зверьков и фрагменты кувшинов, аналогичных ферганским и тянь-шаньским. Эти формы, — и кувшины, и круглодонные миски, и кружки с ручками в форме зверьков (№ 75—77, 105, 106, 108, 109, 114, 130, 131, 147, 157, 158 сводной стратиграфической таблицы археологического материала Кобадияна, составленной М. М. Дьяконовым), — не связаны ни с одновременной пм, ни с более ранней керамикой Кобадияна. Представляется возможным предположить, что появление этих форм на Аму-дарье связано с передвижением юэчжийских племен. Это важное наблюдение я смог сделать благодаря любезности М. М. Дьяконова, давшего мне возможность ознакомиться как с самим материалом его раскопок в Кобадияне, так и со сводной стратиграфической таблицей, им составленной.

Сопоставление ферганского материала с материалом Ташкентского района говорит о тесных связях этих районов в течение длительного периода, охватывающего по меньшей мере I тысячелетие до н. э. и первую половину I тысячелетия н. э. Это явствует из сходства всего керамического материала. Отличие Ташкентского района от Ферганы — в том, что в ташкентской керамике четко выражены сарматские элементы (например, широкое распространение кубков с зооморфными ручками и кувшинов с петлеобразными ручками), тогда как в Фергане эти элементы только ощущимы. В плане западных и северо-западных параллелей круглодонные сарматские горшки и сходные с ними аналогичные усуньские также являются исходными формами ферганских плоскодонных кувшинов, среди которых встречаются экземпляры, изготовленные в технике лепки круглодонных сосудов с последующим уплощением дна.

Керамика Тянь-Шаня, одновременная керамике ферганских катакомбных могил, представлена еще недостаточным количеством сосудов, что не позволяет пока делать четкие заключения. Однако, наряду со сходством конструкции могильных ям и погребального ритуала, можно также констатировать сходство для этих районов некоторых типов сосудов, например банкообразных горшков и открытых мисок. Также следует отметить, что керамика ферганских катакомбных могил находит некоторые аналогии в усуне-юэчжийской (по определению А. Н. Бернштама) керамике Тянь-Шаня.

* * *

Таким образом, анализ керамических изделий позволяет сделать следующие выводы.

Керамика ферганских катакомбных могил, в основе своей идентичная керамике поселений времени расцвета Ферганы на рубеже и в первых веках нашей эры, связывается со всей кушанской керамикой вообще. Она сложилась на основе древней местной керамики и в своем происхождении тесно связана с керамикой усуньских и сармато-аланских племен. В этом отразились крупные события, связанные с передвижением юэчжийских племен и образованием кушанского государства. Данные письменных источников в этом отношении вполне согласуются с результатами наблюдений над керамическим материалом. Однако анализ только керамического материала, хотя и приобретает весьма важное значение, но одновременно выдвигает задачу привлечения более широкого круга археологических источников и делает необходимым комплексное их изучение.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва • 1956

С. С. СОРОКИН

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ПОДБОЙНЫЕ И КАТАКОМБНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КАК ПАМЯТНИКИ МЕСТНОЙ КУЛЬТУРЫ

Катакомбные захоронения в Средней Азии открыты в 80-х годах прошлого столетия под Ташкентом.

В 1887 г. директор Ташкентской гимназии Н. П. Остроумов¹ произвел раскопки древнего курганного могильника, содержащего погребения в подземных камерах², в местности, находящейся в 4 км к северу от Ташкента по дороге в кишлак Дурмен. Было зарегистрировано и нанесено на прекрасно составленный план 47 курганов, из которых раскопано 17.

В донесениях Н. П. Остроумова Археологической комиссии дается подробное и обстоятельное описание могильника, всех раскопанных погребений и обнаруженного в них материала. Обращают на себя внимание аккуратность и рациональность приемов раскопок и способов фиксирования раскопочных данных. К участию в раскопках Н. П. Остроумовым были привлечены специалисты в разных областях знания³. Вещи, найденные в погребениях, были доставлены в Археологическую комиссию, которая передала их в Москву, в Исторический музей.

Через 11 лет после раскопок Н. П. Остроумова, в 1898 г. катакомбные погребения были обнаружены Г. Гейкелем в долине р. Таласа. Материалы этих раскопок стали доступны только спустя 20 лет⁴.

После раскопок Г. Гейкеля новых катакомбных погребений в Средней Азии не находили в течение 30 лет, до 1928 г., когда М. Е. Массон раскопал у Той-тюбе курган, содержащий погребение в подземной камере⁵.

В 1929 г. А. А. Потапов и М. В. Воеводский начали раскопку большого катакомбного могильника под Пскентом. В 1930 г. работы эти были продолжены в большем масштабе ими же и Б. А. Латыниным⁶.

В 30-х годах работы по изучению среднеазиатских катакомбных

¹ Архив ЛОИИМК, ДАК об археологических раскопках Н. П. Остроумова в окрестностях Ташкента, № 34, 1886 г.

² В дальнейшем погребения в овальных сводчатых камерах мы будем называть, как это принято, катакомбными, в отличие от подбойных погребений.

³ В «Докладах и действиях Археологической комиссии за 1887 г.» опубликованы краткие описания раскопанных Н. П. Остроумовым курганов, составленные по его донесениям (см. стр. СХСIII и сл.).

⁴ Н. H e i k e l. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki, 1918.

⁵ М. Е. М а с с о н. Уникальный намогильный лицевой камень в долине Ангрена ИАН КазССР, 108, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 56.

⁶ А. А. П о т а п о в. Пскентский курганный могильник. Рукопись Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР, № 31, 1938.

захоронений начинают идти более интенсивно. В 1934 г. Б. А. Латынин и в 1936 г. Т. Г. Оболдуева около города Исфары в Фергане обследовали и частично раскопали большой могильник, содержащий погребения в катакомбах и подбоях¹. В 1937—1939 гг. Г. В. Григорьев при участии Т. Г. Оболдуевой и М. Э. Воронца произвел раскопки аналогичных могильников в районе г. Янги-Юля².

Одновременно с раскопками под Янги-Юлем велись работы в Таласской долине, где в 1938 и 1939 гг. на р. Кенколе А. Н. Бернштам раскопал курганный могильник с погребениями в катакомбах³. В 1940 г. А. И. Тереножкиным были исследованы катакомбные погребения на левом берегу Чирчика вблизи Ташкента⁴.

В годы Великой Отечественной войны археологические исследования не прерываются, и 1943 г. приносит открытие в районе Беговата на юге Ташкентской области бескурганного могильника, состоящего в основном из погребений в простых грунтовых ямах, но содержащего также и катакомбные захоронения⁵. В 1944 г. А. Н. Бернштам раскопал первые катакомбные погребения на Тянь-Шане⁶.

Послевоенные годы обогатили науку открытием целого ряда могильников с подбойными и катакомбными захоронениями. В Алайской долине в 1946—1948 гг. А. Н. Бернштам произвел раскопки могильников в урочищах Кургак, Мааша и на землях колхоза Кызыл-ту⁷. В Ташкентской области в 1947 г. М. Э. Воронец раскопал курганы с катакомбами у станции Вревской⁸. В 1949 г. А. Н. Бернштам открыл новые катакомбные могильники на Тянь-Шане⁹. На Чаткале в 1950 г. А. К. Кибиров произвел раскопки катакомбных захоронений в Узунбулаке и Миянкоде¹⁰. В 1950—1951 гг. А. Н. Бернштам раскопал 3 катакомбных могильника в Фергане¹¹. И, наконец, Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция открыла курганы с катакомбными захоронениями под Ашхабадом¹².

¹ Часть материала хранится в Государственном Эрмитаже; дневники — в архиве ИИМК; см. также Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы, раскопки 1936 г. (Рукопись).

² Г. В. Григорьев. Раскопки курганов в Янги-Юльском районе УзССР. Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, № 628; его же. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, сер. археол., вып. 1, 1948.

³ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

⁴ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, № 9, 1940, стр. 30—36.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947; его же. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952.

⁶ А. Н. Бернштам. Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня. Сб. «Акад. К. И. Скрябину», Фрунзе, 1945, стр. 95, 96; его же. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. Изв. КирФАН, 1945, № 2—3.

⁷ А. Н. Бернштам. Археологическая экспедиция на Памир. ВЛГУ, 1947, № 12, стр. 135, 136 и 1948, № 11, стр. 175, 176; его же. Археологические памятники Памира. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 128, 129; его же. Древний Тянь-Шань. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 142.

⁸ М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле ст. Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, 1951, стр. 43—73.

⁹ А. Н. Бернштам. Древний Тянь-Шань, стр. 141, 142.

¹⁰ Материал не опубликован; краткая его характеристика — в книге А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов», Л., 1951, стр. 115. В 1953 г. А. Кабиров проводил раскопки катакомбных могильников на Тянь-Шане.

¹¹ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 115, 116. Материалы раскопок 1951 г. не опубликованы; пользуюсь случаем выразить признательность А. Н. Бернштаму, любезно предоставившему мне возможность ознакомиться с ними.

¹² М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, стр. 158, 159.

Так, начиная с раскопок Н. П. Остроумова, происходит накопление фактического материала, относящегося к среднеазиатским подбойным и катакомбным захоронениям. Сейчас они известны более чем в 25 пунктах, и в распоряжении исследователей имеется богатый материал, который существенно дополняет данные других источников, относящихся к истории среднеазиатских народов в 1-й половине I тысячелетия н. э.

Единого мнения относительно происхождения и характера культуры, представленной подбойными и катакомбными захоронениями, нет, и вопрос этот разными исследователями решается по-разному.

Так, в 1939 г. Г. В. Григорьев по данным раскопок 1937—1938 гг. устанавливал связь катакомбных захоронений Келесской степи с синхронными им слоями соседнего городища Каунчи-тепе и близость их к сарматским погребениям¹. Несколько позднее о местном характере подбойных и катакомбных захоронений всего Ташкентского оазиса и их генетической связи с аборигенным населением писала Т. Г. Оболдуева². И, наконец, в 1951 г. М. Э. Воронец высказал мысль о том, что могильник у станции Вревской обязан своим происхождением местному населению, родственному сарматским, сако-массагетским, усуньским и юечжийским племенам³. Иными словами, все эти исследователи считают подбойные и катакомбные могильники Ташкентского района памятниками коренного местного населения.

Имеются и другие мнения. Еще в 1939 г. А. Н. Бернштам высказал, а в дальнейшем развил мысль о связи Кенкольского могильника с событиями хуннской истории, в частности, с походами Чжичжы шаньюя⁴. Это мнение получило признание, и в археологической и антропологической литературе начали накапливаться ссылки на Кенкольский могильник как на памятник, принадлежащий хуннам, как на эталон хуннской культуры в Средней Азии. Опираясь на сходство с этим могильником, А. Н. Бернштам в 1945 г. считал возможным отнести к числу хуннских вновь раскопанные им подбойные и катакомбные погребения на Тянь-Шане и ранее открытые другими археологами катакомбные могильники Исфаринского и Ташкентского районов⁵. В 1949 г. к хуннским А. Н. Бернштам причислил также подбойные захоронения Алайской долины⁶. И, наконец, в 1951 г. он окончательно сформулировал свою точку зрения относительно подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии, характеризуя их в целом как культуру «кенкольского типа», обязанную своим происхождением массовому проникновению хуннов в Среднюю Азию и принадлежащую хуннам⁷.

¹ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., стр. 56.

² Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 101.

³ М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 68.

⁴ А. Н. Бернштам. Археологические работы в Киргизии. ВДИ, 1939. № 4; е го ж е. Кенкольский могильник. Л., 1940; е го ж е. По следам гуннов. Газета «Ленинские искры», № 33 (1647), 24 апреля 1946. Представляется более правильным сохранить для этого времени термин «хунны» или «хунну», но не «гунны».

⁵ А. Н. Бернштам. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая, стр. 61—64; е го ж е. Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня, стр. 94.

⁶ А. Н. Бернштам. Археологические памятники Памира, стр. 125 и 128; е го ж е. Древний Тянь-Шань, стр. 142; см. также С. С. Сорокин. К вопросу о гуннах в Средней Азии. ВЛГУ, 1948, № 11, стр. 125. Работа над материалом заставила нас совершенно отказаться от точки зрения, высказанной в этой статье.

⁷ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 102, 103. Свою точку зрения А. Н. Бернштам сохранил и позднее, см. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА. № 26, 1952, стр. 67.

Таким образом, проблема генезиса и характера подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии решается двояко: в плане связи их с коренным местным населением и его культурой и в плане связи с хуннами и хуннской культурой. Выводы о местном характере культуры, представленной подбойными и катакомбными захоронениями, делаются в результате сравнения материала из них с материалом из поселений, являющихся памятниками местной культуры. Противоположное мнение базируется на сопоставлении каждого из могильников с одним, именно с Кенкольским, относительно которого однажды были сформулированы определенные выводы и который в дальнейшем выступает в качестве критерия для определения природы других могильников.

Накопление значительного археологического материала, а также наличие существенных расхождений в его толковании делают необходимым вновь поставить вопрос о генезисе и характере культуры подбойных и катакомбных погребений Средней Азии.

Эта культура охватывает подкурганные погребения в подземных сводчатых камерах и в подбоях, известные в настоящее время на всей территории Киргизской ССР, в Фергане, в Ташкентской области в районе Бухары и под Апхабадом (рис. 1). Но не только формальный признак — конструкция могил — позволяет говорить о погребениях такого рода как о единой группе: их сближают также основные черты ритуала, состав, характер и размещение погребального инвентаря.

Почти все погребения очень сходны друг с другом. Все они содержат трупоположения на спине, в гробах, на досках, на циновках или в плетенках: в подбоях — одиночные, в катакомбах — одиночные, парные и иногда коллективные. Редко встречаются сопровождающие погребения, расположенные вне камеры. Ориентировка костяков различна; во всех случаях она связана с направлением длинной оси подбоя или катакомбы, расположение которых в свою очередь связывается с ориентировкой дромоса. Дромосы большинства могил ориентированы с севера на юг.

И подбой, и катакомбы оставались свободными от засыпи; входы в них закладывались крупными камнями, сырцовыми кирпичами или жердями. Покойников клали в могилы в полном бытовом повседневном костюме. При погребении мужчин с ними помещали предметы вооружения — мечи, кинжалы, луки со стрелами. С женщинами клали предметы туалета — украшения, зеркала, краски и пр., а также пряслица. В каждом погребении, как в мужском, так и в женском, размещалось по несколько глиняных сосудов: кувшины, горшки, банки, фляги, кубки, миски, иногда курильницы и пр., а также деревянная посуда — чаши, тарелки, блюда простые и на ножках («столики»). В погребениях встречаются остатки частей бараньих туш, рядом с которыми часто находятся железные ножи; изредка находят кости лошади или остатки конской сбруи.

Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения делятся на две группы: к первой относятся могильники Ферганы, Ташкента, Южной Туркмении, Бухары¹ и Таласа, расположенные в предгорьях вблизи земледельческих оазисов; ко второй — могильники Тянь-Шаня и Алая, находящиеся в высокогорных долинах, в непригодной или малопригодной для земледелия зоне альпийских пастбищ, вдалеке от крупных земледельческих районов. Своеобразие природных условий, хозяйственной

¹ Пользуюсь случаем выразить признательность О. В. Обельченко, которому принадлежит честь открытия и первых раскопок подбойных и катакомбных погребений в районе Бухары, весьма любезно ознакомившему нас с материалом своих раскопок. Данные, сообщенные О. В. Обельченко, в настоящей статье не использованы, но они не противоречат нашим заключениям.

деятельности и археологического материала этих районов делает такое деление необходимым, хотя оно и носит условный характер.

Могильники первой группы размещены на открытых возвышенных площадках малых водоразделов или в небольших долинах. Расположение насыпей в большинстве случаев беспорядочное, хотя иногда, например в Гурмироне или под Ашхабадом, курганы образуют цепочки. Это напоминает планировку некоторых сарматских, усуньских и других синхронных им могильников¹.

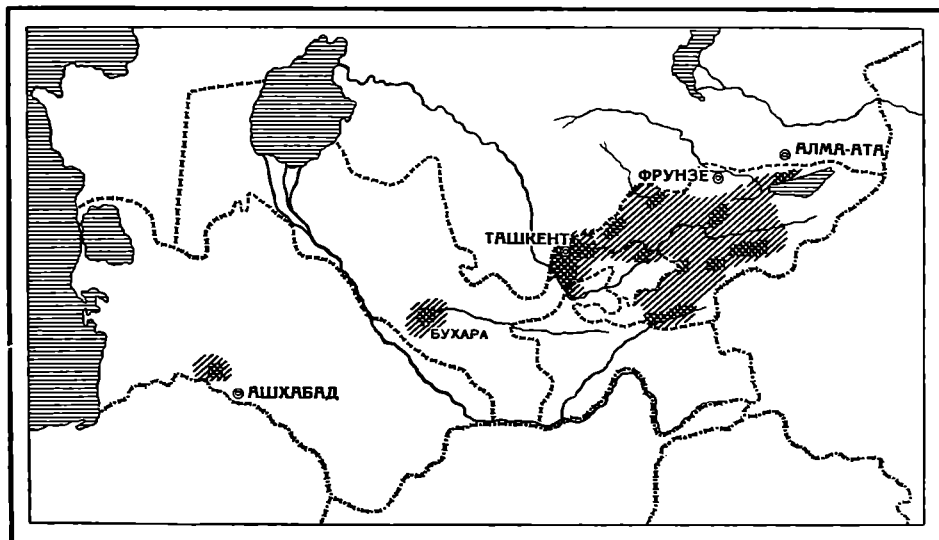

Рис. 1. Территория распространения среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений (показана штриховкой; перекрестной штриховкой обозначены районы, в которых исследованы памятники).

Большинство погребений этой группы принадлежит к числу катакомбных. Такое устройство является единственным для Гурмирона, Джангаила², ташкентских могильников, могильника у станции Вревской, Кенкольского и ашхабадских и преобладающим для погребений в районе Янги-Юля и Таласской долины. В бухарских могильниках и Боркорбазе преобладают подбойи, но есть и погребения в катакомбах. Под Исфарой до настоящего времени открыты только подбойные погребения. Вообще процент подбойных могил в Фергане выше, чем в районе Ташкента.

В самой конструкции катакомб полного единообразия нет. Ташкентские катакомбы сводчатые, в плане овальные. Дромосы представляют собой постепенно углубляющийся или начинающийся уступом ход, в ряде случаев со ступенями вдоль одной или обеих сторон, оканчивающийся вертикальной стенкой. В нижней части этой стенки сделано небольшое отверстие для входа в камеру, которое подводит или к середине одной из ее сторон, или, как в курганах, раскопанных Н. П. Остроумовым, ближе к восточному краю камеры. В той-тюбинском погребении потолок камеры почти плоский, а дромос имеет форму прямоугольной ямы с вертикальными стенками и горизонтальным дном: он подобен дромосам сарматских подбойных могил Нижнего Поволжья. Захоронения у

¹ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3, стр. 163 и сл.; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 15; К. В. Сальников. Сарматские курганы близ Орска. МИА, № 1, 1940, стр. 121.

² Раскопки А. Н. Бернштама, 1951 г. Материалы не опубликованы.

кишлака Нау представляют собой подбои, вырубленные длинной осью параллельно дромосу, такому же, как в той-тюбинском погребении; эти погребения также сходны с подбойными захоронениями Нижнего Поволжья.

Ферганские катакомбы в конструктивном отношении несколько своеобразны. Камеры похожи на ташкентские, но дромосы, ориентированные с севера на юг, имеют форму прямоугольных ям с вертикальными стенками и горизонтальным дном.

В Таласской долине камеры в большинстве случаев расположены длинной осью перпендикулярно дромосу. Дромосы — трех типов: 1) длинные, узкие, постепенно углубляющиеся, подобные дромосам курганов, раскопанных Н. П. Остроумовым; 2) более короткие, с наклонным дном, характерные для других могильников Ташкентского района, и 3) глубокие ямы с вертикальными стенками и горизонтальным дном, похожие на той-тюбинские и большинство нижеволжских. Своеобразна конструкция двух курганов Беш-ташской группы, в которых вход в камеру помещен у южного угла, а сама камера длинной осью ориентирована по отношению к дромосу под углом 45° ¹. Таким образом, камерные погребения Таласской долины по конструкции сближаются с ташкентскими, подбойные — с нижеволжскими.

Катакомбные могилы Южной Туркмении по конструкции камер близки к той-тюбинским и чирчикским². Их дромосы, имеющие форму глубоких прямоугольных ям с наклонным дном, сходны с дромосами таласских, ташкентских и ферганских катакомб. Для всей группы в целом характерны одиночные труположения, однако нередки захоронения парные и иногда семейные (мужчина, женщина, ребенок), встреченные в Ташкентском районе, в Фергане и Таласской долине.

Положение костяков во всех могильниках единообразно: они лежат на спине, с вытянутыми руками, так же, как в сарматских подбоях Нижнего Поволжья. Кисти рук иногда покоятся на тазовых костях. У некоторых костяков колени слегка подогнуты. Ориентировка различна: в районе Ташкента — преимущественно северо-восточная и восточная, редко западная; в Фергане преобладает северная, редко южная; в Таласской долине также преобладает северная, но встречается и северо-западная. В южнотуркменских могильниках в обоих курганах костяки ориентированы головой на юг. Общее преобладание северной ориентировки сближает могильники предгорной группы с сарматскими³.

В ряде погребений сохранились остатки дощатых гробов (Кенкол, Боркорбаз), дощатые настилы (Кенкол) или цыновки, на которые клали покойников (Боркорбаз).

Характер, ассортимент и размещение погребального инвентаря для всех могильников этой группы довольно однообразны. В ногах и у головы находилось по одному, по два (иногда и более) глиняных сосуда среднего размера; иногда также в камеры помещались глиняные курильницы. В некоторых женских погребениях было от 1 до 4 миниатюрных глиняных сосудов. В тех погребениях, где сохранилось дерево, обычно обнаруживают остатки деревянных чаш или столиков, вернее, блюд на коротких ножках, и на них — бараньи кости и небольшие железные ножи.

¹ Н. Нейкел. Указ. соч., табл. VIII и XIV.

² М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества..., стр. 158—159.

³ И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. УЗСГУ, т. XVII, вып. исторический, 1947, стр. 22.

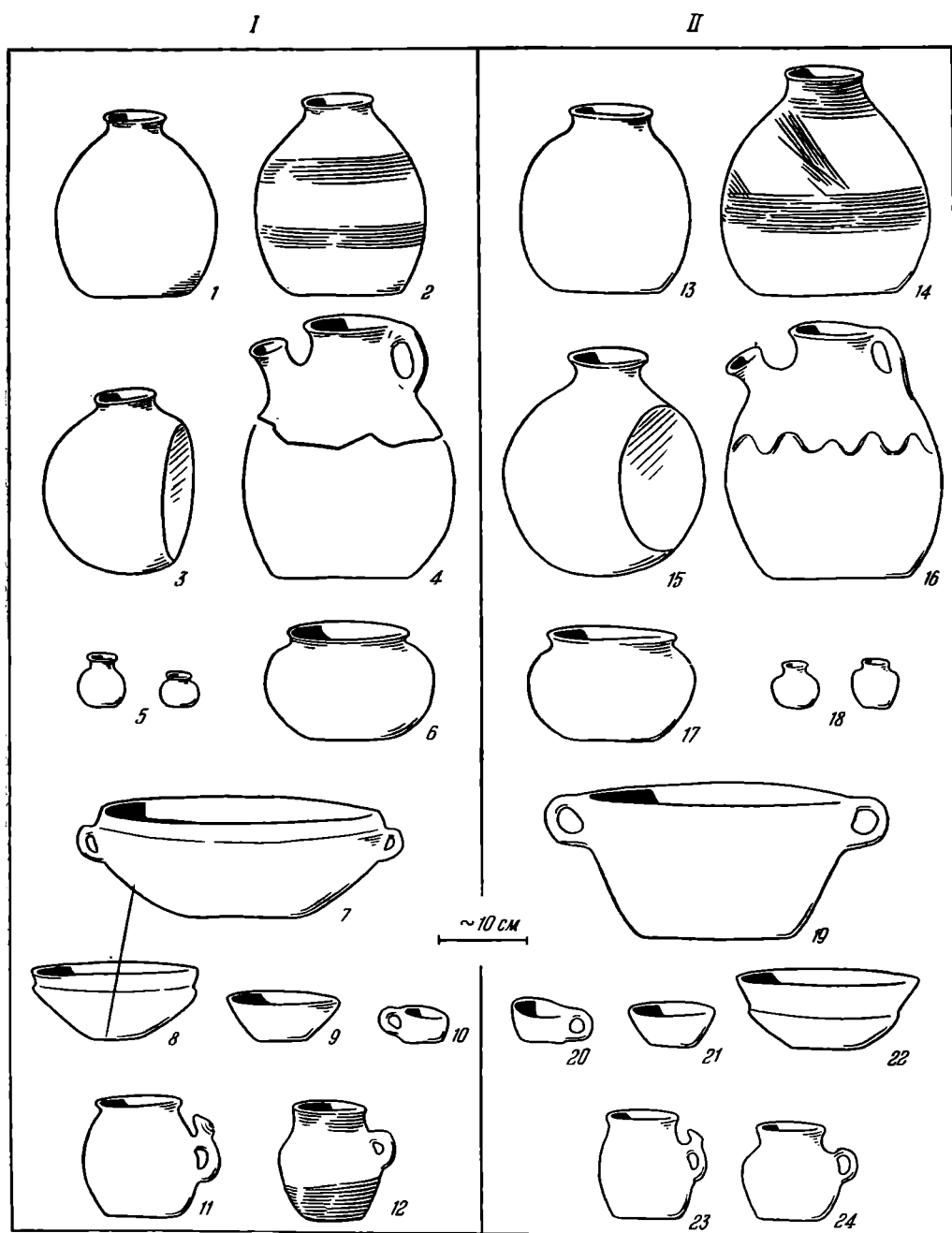

Рис. 2. Сравнение керамики поселений и грунтовых погребений земледельческих районов Ферганы и Ташкента (I) с керамикой подбойных и катакомбных погребений соседних предгорий (II).

1, 3, 6, 15 — Большой Ферганский канал (по В. Д. Жукову и Т. Г. Оболдуевой); 2 — Кува-сай (по В. Д. Жукову); 4, 7—12 — Каунчи-тепе (по Г. В. Григорьеву); 5 — Мархамат (левый) и Кафирянган (по А. Н. Бернштаму и М. М. Дьяконову); 13, 17, 18, 24 — Боркорбаз (по А. Н. Бернштаму); 14 — Гурмирон (по А. Н. Бернштаму); 16 — Вревская (по М. Э. Воронцу); 19—23 — Ташкент (по Н. П. Остроумову).

Покойников, как было сказано, клали одетыми в обычное платье. В погребениях сохранились остатки тканей, бисер от шитья, пряжки и пр. При женских костяках часто встречаются бронзовые зеркала, каменные стерженьки, косметические краски, разного рода украшения (серьги,

кольца) и глиняные пряслица. Для мужских погребений характерны предметы вооружения — мечи, кинжалы и луки со стрелами.

Весь погребальный инвентарь, за исключением отдельных импортных предметов, обнаруживает сходство с материалом синхронных поселений тех же районов, в которых расположены могильники, а также связи с более древним местным материалом и родство с материалом сарматских памятников.

Особенно отчетливо местный среднеазиатский характер инвентаря катакомбных захоронений предгорной группы прослеживается на керамике (рис. 2). Наиболее распространенными и типичными формами сосудов для этой группы являются кувшины с округлым корпусом, плоским дном, нешироким горлом и отогнутым наружу венчиком, иногда с ручкой или с ручкой и носиком (в катакомбах Ташкентского района и Таласской долины кувшины составляют около 50% общего числа сосудов хозяйственного назначения, в Фергане — более 70%); фляги с плоским боком; кубки со звериными ручками и открытые миски с простым или усложненным профилем. Реже встречаются лохани, горшки, банки, миниатюрные сосудики, простые кружки, чашки, котелки, курильницы и др.

Кувшины с округлым корпусом и нешироким горлом следует считать типичными среднеазиатскими, так как, помимо катакомбных погребений, они в значительном количестве встречаются во всех без исключения памятниках коренного земледельческого населения Ферганы и Ташкента. В Фергане их находят как на поселениях первых веков нашей эры, в слоях с типичной ферганской красноангобированной с прочерченным орнаментом керамикой, так и в связанных с этими поселениями грунтовых могильниках¹; они также обнаружены на поселениях и в бескурганых могильниках Ташкентского района². Генетически такие кувшины восходят, с одной стороны, к более ранним образцам, встречающимся в материале ферганских поселений I тысячелетия до н. э. вместе с чашами усуньского типа³, с другой, — к кувшинам усуньских погребений Киргизии⁴ и некоторым сарматским сосудам, в ряде случаев отличающимся только формой дна, но имеющим совершенно аналогичные пропорции и форму корпуса, горла и венчика⁵.

Кубки со звериными ручками характерны только для ташкентских катакомбных погребений. Они пока не найдены в таласских и южнотуркменских могильниках и подбоях и катакомбах Ферганы, хотя вообще в западной части долины встречаются⁶. Их, как и кувшины, следует при-

¹ Б. А. Латынин. Работы в районе проектирования электростанции на р. Нарын в Фергане. ИГАИМК, вып. 110, 1935, рис. 113 и 114; Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, 1951, табл. I, 1—3, табл. II, 6; табл. X, 7; В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Там же, табл. VI, 1—5; табл. VII, 1, 3, 4; Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Там же, табл. IV, 1; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. УзФАН, № 10, 1940, стр. 21—27.

² Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 69, 71 и стр. 56; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 30—36; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Шириная..., рис. 6, 1; рис. 7; рис. 8, 1; рис. 13, 2, 3, 5, 6; рис. 14; рис. 16, 1—3.

³ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе..., табл. XI, 7.

⁴ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч., буранинская группа, курганы № 2 и 3; Н. Нейке. Указ. соч., курган № 11 группы Куянтухай.

⁵ И. В. Сивигин. Указ. соч., рис. 17, 22, 33 и табл. III, 1; его же. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, вып. L, 1953, рис. 37, 2.

⁶ Раскопки Н. И. Веселовского в Фергане в 1885 г. Материал хранится в Государственном Эрмитаже (СА, № 3377, 9998, 13217, 13218).

знать изделиями местного среднеазиатского производства. Об этом свидетельствует широкое распространение таких кубков в памятниках коренного местного оседлого населения Ташкентского оазиса, Западной Ферганы, Южного Приаралья, Бухары и Термеза¹. Аналогичные кубки со звериными ручками в сарматское время были распространены в Приаральских степях, на Северном Кавказе, в Подонье и в Крыму². Эта форма одинаково типична для памятников коренного населения западных предгорий Тянь-Шаня, для Южного Приаралья и для сарматских степей. Проблема их происхождения может быть решена только с учетом археологического материала земледельческих оазисов Восточного Туркестана³.

Фляги с плоским боком в первые века нашей эры были распространены на территории от Южного Приаралья до Северного Афганистана и даже до Инда⁴ и вне этой территории неизвестны. По форме корпуса, пропорциям горла, характеру венчика и другим деталям они связываются с кувшинами среднеазиатских катакомбных захоронений и ташкентских и ферганских поселений первых веков нашей эры. Это по существу одинаковые сосуды, только у одних корпус уплощен внизу, у других — сбоку; одни приспособлены для переноски на руках и для хранения продуктов (воды, молока, масла, вина), другие — для перевозки их на вьючных животных. Особенно сходны с кувшинами фляги из катакомб у ст. Вревской и ташкентских, а также кенкольская. Фляга из Джангаильского могильника имеет небольшие проколотые ручки-выступы, аналогичные ручкам горшка из кургана № 10 Кенкола и горшка из Ашта⁵.

Все это дает основание считать фляги, как и кувшины, типичными среднеазиатскими изделиями. Генетически они восходят, повидимому, к аналогичным местным формам IV—III вв. до н. э.⁶ Кроме того, фляга

¹ Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 58, 59, 110, 111; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 30—36; Архив ЛОИИМК, ДАК № 34, 1886 г., донесение № 1315; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 77, 1; его же. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, 1946, № 1, стр. 175; В. А. Шишкин. Курганы и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза. Труды АН УзССР, сер. истории и археологии, Термезская археологическая экспедиция, т. II, 1945, стр. 126, рис. 28.

² К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, т. I, 1934; Е. Г. Кастанян. Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, 1951, стр. 247—255; МАК, VIII, 1900, стр. 161, рис. 156; стр. 190, рис. 166 и др.; ОАК за 1903 г., стр. 115, рис. 162.

³ См. коллекцию древностей из Восточного Туркестана, хранящуюся в Государственном Эрмитаже (ГА № 338, 342, 679, КИ № 3276 и др.), а также A. S t e i n. Innermost Asia, vol. III, Oxford, 1928, табл. I—III, XXIX.

⁴ См., например, Г. В. Григорьев. Келесская степь..., рис. 87; Отчеты Т. Г. Оболдуевой и Я. Г. Гулямова — Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, стр. 12, 25, 92; А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, табл. XIV; Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год седьмой, Ташкент, 1902, стр. 39; Т. Г. Оболдуева. Археологический надзор на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 10; А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 130; М. Э. Воронцов. Археологическое исследование 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 337, рис. 15; С. П. Толстов. Древний Хорезм, рис. 23 и 44; R. G h i r s h m a n. Begram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchanes. Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan, XII, Caire, 1946, табл. XIV, 1; табл. XV, 3; рис. 314 и 358. Аналогичные фляги найдены также в сакопарфянских, по терминологии Дж. Маршалла, слоях Таксилы в Индии, см. John M a g s h a l l. Taxila. Cambridge, 1951, bds 1—3, Ceramic, № 43—47.

⁵ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, табл. XIV, 1, а также раскопки Н. И. Веселовского в Фергане в 1885 г. Государственный Эрмитаж (СА № 13259.)

⁶ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган-кала. ВДИ, 1953, № 1, стр. 160—170

из раскопок Гейкеля напоминает нижневолжские сарматские горшки с округлым корпусом¹. Открытые миски с простым или усложненным профилем также являются изделиями среднеазиатского производства, типичной и широко распространенной посудой коренного населения Средней Азии. Об этом свидетельствуют массовые находки таких мисок на городищах, принадлежавших древнему коренному местному населению Ферганы и Ташкента, и в сако-усуньских погребениях². На ферганском материале хорошо прослеживается прямая генетическая связь мисок первых веков нашей эры с более древними образцами³.

Кухонные горшки, котелки и миниатюрные сосудики подбойных и катакомбных погребений также находят аналогии в керамике грунтовых могильников и поселений земледельческих районов Ферганы⁴. Поэтому и они должны быть отнесены к числу местных изделий.

Даже редко встречающиеся в подбойных и катакомбных погребениях формы, и те находят аналогии в материале местных поселений, тем самым подчеркивая близость памятников коренного местного населения и катакомбных могильников. Так, например, лохань с двумя ручками и маленькая лепная чашка с петлеобразной ручкой из раскопок Н. П. Остроумова аналогичны лохани и такой же чашке, найденным на городище Каунчи⁵. Лохань происходит из нижнего слоя городища; она, возможно, старше лохани из погребения, т. е. является ее прототипом.

Близость керамики подбойных и катакомбных могил предгорной группы с керамикой памятников коренного среднеазиатского населения прослеживается не только по форме сосудов, но и по сходству приемов орнаментации. Так, чаша из исфаринского подбойного погребения⁶ и горшок из кургана № 11 Гурмирона покрыты красным ангобом, по которому процарапан орнамент, т. е. украшены таким способом, какой был распространен в Фергане в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры. Открытые миски из Джангаила покрыты плотным красным ангобом и залощены, т. е. также представляют собой образцы керамических изделий, типичные для земледельческой Ферганы первых веков нашей эры⁷. Другие сосуды, например кувшины и горшки из Гурмирона, украшены широкими лентами красного или бурого ангоба. Этот прием орнаментации особенно типичен для глиняной посуды земледельческой Ферганы, но известен и в других районах Средней Азии⁸. Неко-

¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки..., рис. 1, 10, 13, 17, 18, 33, 40, 63.

² Отчеты Т. Г. Оболдуевой и В. Д. Жукова. — Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, табл. I, 5, 6; табл. IX, I, 4; табл. II; стр. 47; Т. Г. О б о л д у е в а. Археологический надзор на Северном Ферганском канале; В. Д. Ж у к о в. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, стр. 23; Б. А. Л а т ы н и н. Указ. соч., рис. 110, I—3, рис. 111, I; рис. 113, 7; А. И. Т е р е н о ж к и н. Памятники материальной культуры..., Г. В. Г р и г о р ь е в. Келесская степь..., рис. 11 и 12; е г о ж е. Каунчи-тепе. Ташкент, 1940, рис. 47; М. В. В о е в о д с к и й и М. П. Г р ы з н о в. Указ. соч.; А. Н. Б е р н ш т а м. Памятники старины Таласской долины, стр. 16, 17.

³ Отчеты Т. Г. Оболдуевой и В. Д. Жукова, табл. I, 5, 6; табл. IX, I; табл. II; стр. 47.

⁴ Там же, табл. I, 4, табл. II, 5; табл. IX, 3; табл. IV, I—5; табл. V, 2; табл. VII, 2; табл. VIII; стр. 58, а также материалы Памиро-Ферганской археологической экспедиции 1950 г., хранящиеся в Андижанском областном музее.

⁵ Г. В. Г р и г о р ь е в. Келесская степь..., рис. 13 и 64.

⁶ Чаша хранится в Государственном Эрмитаже (Фр. XIII, 75).

⁷ В. Д. Ж у к о в. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, стр. 21—27; Б. А. Л а т ы н и н. Указ. соч., стр. 113.

⁸ Г. В. Г р и г о р ь е в. Келесская степь..., рис. 57. Б. А. Л а т ы н и н. Указ. соч., рис. 113.

торые кенкольские кувшины украшены волнистой линией, т. е. орнаментом, распространенным на кувшинах из могильников у Ширин-сая и соседнего с ним городища Мунчак-тепе¹.

Весьма убедительные данные, иллюстрирующие родство материала подбойных и катакомбных погребений предгорной группы с материалом памятников коренного населения тех же районов, дает анализ пряслиц². Пряслица из подбоев и катакомб, встречающиеся почти при каждом женском костяке, имеют биконическую форму, по-разному усложненную концентрическими валиками или бороздками. Они изготовлены из хорошо отмученной глины, покрыты черно-коричневым или красным ангобом и хорошо обожжены. Совершенно такие же пряслица характерны для бескурганых могильников равнинной Ферганы и для ферганских поселений того времени, когда население долины пользовалось красноангобированной керамикой. Можно даже сказать, что это типичные ферганские пряслица, хотя они встречаются также в районе Ташкента.

Предметы вооружения и украшения не дают такой ясной картины связи инвентаря подбойных и катакомбных погребений с местным материалом, как керамика, но зато облегчают сравнение его с материалом более широкой территории, населенной в свое время сако-массагетскими и сарматскими племенами.

Прямые двулезвийные мечи с черешком и без перекрестия, встречающиеся в катакомбных погребениях Ташкентского района, Таласской долины и Южной Туркмении, но пока неизвестные в подбоях и катакомбах Ферганы, по форме аналогичны мечам, распространенным в сарматское время в Нижнем Поволжье, на Кубани и на Северном Кавказе³.

Наконечники стрел для всех могильников предгорной группы довольно единообразны. По типу это крупные железные трехперые черешковые наконечники, какие были распространены в 1-й половине I тысячелетия н. э., кроме Средней Азии, также в приаральских, прикаспийских и причерноморских степях⁴. Генетически они связываются с мелкими трехперыми бронзовыми или железными наконечниками, бытовавшими в последние века до нашей эры в сарматских и усуньских памятниках⁵.

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Указ. соч., рис. 7, 2—4; рис. 8, 1; рис. 13, 5; рис. 14.

² В. Д. Ж у к о в. Отчет о работе..., стр. 53, 59, 60, табл. IX; е г о ж е. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, стр. 21—27; см. также материалы раскопок Памиро-Ферганской археологической экспедиции 1950 г., хранящиеся в Андижанском областном музее; Г. В. Г р и г о р ь е в. Каунчи-тепе, раскопки 1935 г., сравнительная таблица; е г о ж е. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, рис. 33 и 69.

³ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки..., стр. 35; е г о ж е. Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья. Изв. Саратовского Нижневолжского ин-та краеведения им. М. Горького, т. VII, 1936; Н. В. А н ф и м о в. Меот-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, погребение 81 (1939 г.), погребение 13 (1931 г.), погребение 2 (1944 г.); И. Б. З е е с т. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 158, рис. 63, 1, а также курганы № 32, 42 и 58 Сусловского курганного могильника и курганы № 17 и 26 в урочище «Три Брата», см. СА, I, 1936.

⁴ Н. Н e i k e l. Указ. соч., табл. VI; Г. В. Г р и г о р ь е в. Келесская степь..., рис. 32; М. Э. В о р о н е ц. Отчет археологической экспедиции, рис. 7, 1 и стр. 58; М. Е. М а с с о н. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. ИАН ТуркмССР, 1952, № 5, стр. 17, 18; е г о ж е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества..., стр. 158, 159; Н. В. А н ф и м о в. Указ. соч., стр. 197, 198, рис. 18, 5; среди железных предметов Кенкольской коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже, имеется около десятка крупных трехперых черешковых железных наконечников стрел, относящихся к основным захоронениям могильника.

⁵ Н. Н e i k e l. Указ. соч., табл. VI, курган № 13; Л. Я. М а л о в и ц к а я. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. ИАН КазССР, серия археолог.,

Костяные наконечники, иногда встречающиеся в подбоях и катакомбах, также обнаруживают сходство с сарматскими¹.

Накладки из кости от сложных луков такого типа, какие найдены в Кенколе, Боркорбазе и Янги-Юле, были распространены в первые века нашей эры как среди населения приаральских степей и западных отрогов Тянь-Шаньской горной системы, так и среди сарматских племен Северного Прикаспия². Центральноазиатское происхождение сложного лука с костяными накладками вполне возможно³, но вряд ли наличие этой формы в Средней Азии связано только с проникновением на ее территорию центральноазиатских племен.

Различные мелкие предметы также дают некоторый материал для суждения о характере инвентаря подбойных и катакомбных погребений предгорной группы. Каменные заостренные стерженьки, часто встречающиеся в женских могилах, находят аналогии только в местном материале: они сходны и по характеру, и по назначению со стерженьками из синхронных им поселений⁴. Бусы с подглазурной позолотой, часто спаренные или строенные, как и призматические граненые, типичные для катакомб предгорной группы, известны по находкам в сарматских памятниках⁵. Овальные бусы с двумя перехватами находят себе параллели в индийском материале⁶. Костяной гребень, украшенный лошадиными головками, обломок которого найден в катакомбе Янги-Юля⁷, принадлежит к числу изделий, распространенных в сарматских подбоях Нижнего Поволжья⁸. Возможно, что изображение коня в данном случае связано с древними культами местного населения⁹. Некоторые зеркала из захоронений предгорной группы являются изделиями местного производства и типа, другие находят параллели в сарматском материале и являются или подражанием западным образцам, или импортом с запада¹⁰. Встречаются также зеркала китайского производства¹¹.

вып. 2, 1949, стр. 120; И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки..., стр. 35; Н. В. А н ф и м о в. Указ. соч., рис. 14, 35, 36; см. также Сусловский курганный могильник, курганы №№ 1, 16, 23(2), 27, 31, 32, 43, 47, 51.

¹ Материалы Сталинградской археологической экспедиции 1952 г. Раскопки В. П. Шиловой.

² И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки..., стр. 35; Т. Н. С е н и г о в а. Раскопки на городище Алтын-Асар. Вестник АН КазССР, № 7, 1952, стр. 63—69; J. W e g n e r. Bogenfragmente aus Carnuntum und von der unteren Wolga. ESA, VII, 1932, стр. 33—58.

³ J. W e g n e r. Указ. соч., стр. 52.

⁴ Н. Н. Е р ш о в. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков. ДАН ТаджССР, вып. III, 1952, стр. 27—32.

⁵ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки..., стр. 54.

⁶ A. G h o s h. Taxila (Sirkap), 1944—1945. Ancient India, 4, 1947—1948, табл. X, 32; R. E. M. W h e e l e r. Arikamedu. Ancient India, 2, 1946, фиг. 41, 45—57; табл. XXXIII, 1—5.

⁷ Г. В. Г р и г о р ь е в. Келесская степь..., рис. 125.

⁸ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки..., стр. 58, 59.

⁹ Н e g o d., I, 215; Н. Я. Б и ч у р и н (И а к и н ф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 161, 162; А. Н. Б е р н ш т а м. Араванские наскальные изображения и даванская (ферганская) столица Эрши. СЭ, 1948, № 4, стр. 155—161; Д. Г р а м е н и ц к и й. Заметки о древних урочищах Туркестанского края. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1898, стр. 152; Россия, т. XIX, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 753; С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм, стр. 207, 208, табл. 78—81; е г о ж е. Работы Хорезмской экспедиции..., стр. 169.

¹⁰ См., например, И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки..., табл. III, 3; М. И. Р о с т о в ц е в. Курганные находки Оренбургской области. МАР, 37, 1918, табл. II, IV—VI; МАК, VIII, 1900, табл. XVI, 1—5; табл. XIX, 1a; МАК, I, 1888, табл. XI, 2; табл. XII, 27; табл. XIII, 1.

¹¹ М. Э. В о р о н е ц. Отчет археологической экспедиции..., стр. 52, 53, рис. 5.

Таким образом, устанавливается, что могильники предгорной группы дают материал для решения вопроса о генезисе и характере культуры подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии. Сравнение их инвентаря с материалом курганов, тепе, поселений и бескурганных могильников Ферганы, Ташкента и прилегающих к ним предгорий показывает, что в этих районах в первые века нашей эры керамические изделия населения долин и предгорий мало чем отличались друг от друга и как одни, так и другие, безусловно, должны быть признаны местными. Этот местный характер керамики подбойных и катакомбных захоронений предгорной группы устанавливается главным образом на том основании, что комплекс форм, характерный для Ферганы и Ташкента и ближайших к ним предгорий, является типичным только для этих районов и нигде в другом месте в таком же ассортименте не представлен.

Как известно, в Фергане и Ташкенте наиболее распространенными типами глиняной посуды являются кувшины и миски, очень сходные для обоих районов по форме и только несколько отличающиеся по характеру внешней отделки. Формы мисок и кувшинов из предгорных подбойных и катакомбных погребений восходят к древним местным образцам, к древней ферганской, ташкентской и сако-усуньской керамике. Необходимо также отметить, что кувшины находят, кроме того, параллели в сарматском материале. Но особенно сходны с сарматскими кружки со звериными ручками. Они так широко распространены в районе Ташкента, Западной Фергане и других районах Средней Азии, что их с одинаковым правом можно называть и «сарматскими», и «среднеазиатскими». Они не экспортировались из какого-либо одного центра их производства, так как в каждом случае несут на себе черты, характерные для керамики данного района, и встречаются в таких отдаленных друг от друга пунктах, как, например, Восточный Туркестан и Крым. Но форма их ручек слишком оригинальна, чтобы возникнуть сразу в различных странах.

Такие же формы, как, например, открытые миски и лохани, — характерный материал предгорных подбойных и катакомбных погребений, — неизвестны в сарматских могилах. Сарматская керамика не знает также приемов украшения поверхности сосудов широкими полосами красного или бурого ангоба или сплошным плотным красным ангобом, отделанным лощением, т. е. приемов, широко распространенных в Фергане и отчасти в Ташкенте в первые века нашей эры.

Характер предметов вооружения связывает подбойные и катакомбные погребения предгорной группы с погребениями Южного и Западного Казахстана, Приаралья и Северного Прикаспия.

Отдельные мелкие предметы туалета и украшения находят параллели в материале ближайших поселений, принадлежащих аборигенному населению (каменные стерженьки), или в вещах сарматских памятников (бронзовые зеркала с шипом, золоченые и граненые бусы, серьги, гребень, фибула), или, в отдельных случаях, перекликаются с изделиями, распространенными в Китае (зеркала) и Индии (бусы с двумя перехватами).

Могильники горной группы (Кургак, Мааша и Кызыл-ту в Алае и Кызарт, Аламышик, Арпа и Кырчин на Тянь-Шане) по внешнему облику мало чем отличаются от могильников предгорий: они также размещены на открытых площадках, и насыпи их также разбросаны в беспорядке. Сам же характер насыпей несколько отличен: наряду с земляными или каменными сферическими такого же типа, как насыпи курганов предгорной группы, на Тянь-Шане встречаются насыпи с кольцевыми каменными выкладками, похожими на кромлехи сакских курганов, или с неглубокими ровиками вокруг, а в Алайской долине, кроме земляных или камен-

ных насыпей с ровиками, распространены также надмогильные сооружения, представляющие собой плоские квадратные каменные выкладки¹.

Погребения горных районов по конструкции в основных чертах сходны с погребениями предгорной группы, но только соотношение количества катакомб и подбоев другое: большинство погребений горной группы — подбойные. В некоторых могильниках, как, например, Аламышик, Кырчин, Кургак, Мааша, Кызыл-ту, встречены только подбои. В других могильниках преобладают катакомбы. Вообще для всей группы в целом количество катакомб относится к количеству подбоев, как 1 : 5.

Так же как для погребений предгорной группы, полного единообразия конструкции катакомб и подбоев не наблюдается. В Алайской долине дромосы узкие, прямоугольные, ориентированные с севера на юг или с северо-запада на юго-восток. У них вертикальные стенки и дно, имеющее ступеньку или небольшой наклон в сторону подбоя. Подбои вырублены в западных или юго-западных стенках во всю длину дромоса. Все подбои отделялись от дромосов жердями или каменными плитками, поставленными на ребро, и оставались свободными от засыпи. Дромосы же засыпались землей или закладывались крупными камнями.

В тянь-шаньских могилах 8 из 15 дромосов совершенно аналогичны алайским. Однако ориентировка могил только в одном случае совпадает с распространенной в Алае (с севера на юг), а в 7 случаях дромосы ориентированы с запада на восток, и подбои вырублены в северных стенках. В 4 могилах дромосы представляют собой почти квадратные колодцы с вертикальными стенками — форма, не встречающаяся в других районах. Две могилы имеют дромосы, сходные с дромосами ташкентских катакомб. В одной из них (курган № 7 Кызартского могильника) дромос подводит не к середине длинной стороны камеры, а к ее восточному краю, как в катакомбах, раскопанных Н. П. Остроумовым под Ташкентом.

В целом подбойные погребения горной группы сходны с сарматскими и с подбойными погребениями предгорной группы. Типичным только для Тянь-Шаня следует признать широкое распространение подбоев в северной стенке дромоса. Катакомбные же могилы Тянь-Шаня аналогичны ташкентским и ферганским.

Положение костяков во всех могилах горной группы единообразно: они лежат на спине, с вытянутыми вдоль позвоночника руками, так же как в могилах предгорной группы или в сарматских. Ориентировка костяков различна: на север, северо-запад, запад, реже на восток. В горных районах преобладают одиночные труположения. Только в 4 случаях погребения групповые, по два и по три костяка. Так же как и в предгорьях, погребение производилось в деревянных гробах, на цыновках или в плетенках.

Общий характер и принцип размещения инвентаря для всей группы довольно единообразны и в общих чертах сходны с характером и принципом размещения инвентаря в могилах предгорной группы, но изделия по своему облику несколько отличны. В ногах и у головы помещались глиняные горшки, деревянные миски или блюда на ножках; иногда около них были кости барана. Как и в погребениях предгорной группы, покойников клали одетыми в повседневное или праздничное платье и с повсед-

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 191, рис. 76, 3, д, е. В 1953 г. плоские квадратные каменные выкладки над катакомбными погребениями были зарегистрированы А. К. Кибировым на Тянь-Шане у г. Нарына.

невными или праздничными украшениями (серьги, кольца, бусы). Предметы вооружения (лук, стрелы) клали только с умершими мужчинами. Следует отметить бедность инвентаря погребений горной группы по сравнению с предгорной и отсутствие некоторых категорий вещей, например мечей, конских удиц и миниатюрных глиняных горшочков.

Керамика подбойных и катакомбных погребений горной группы своеобразна и не похожа на керамику Ферганы и Ташкента. Наиболее характерны плоскодонные горшки с широким устьем и слегка округлым корпусом, вылепленные из грубого черного глиняного теста и иногда имеющие петлеобразные ручки. Такого рода горшки в памятниках первых веков нашей эры вне Тянь-Шаня встречаются редко: один известен из раскопок Гейкеля в Таласской долине¹ и два-три — из второго слоя Каунчи². Возможно, что такого рода горшки родственны некоторым нижневолжским³.

Другой тип сосудов, характерный для Тянь-Шаня, — вылепленные на матерчатом шаблоне кувшинчики с шаровидным корпусом и узкой, расширяющейся кверху горловиной. По форме и технике изготовления они напоминают усуньскую посуду Чуйской долины и посуду из некоторых некатакомбных погребений Тянь-Шаня, относящихся к усуньскому времени, т. е. генетически связаны с керамикой коренного тянь-шаньского населения.

Эти два типа сосудов — плоскодонные грубые горшки и круглодонные кувшинчики — можно лишь условно признать типичными для Тянь-Шаня ввиду того, что их найдено менее 10 штук в 4 могильниках, в которых из более чем двухсот курганов раскопано менее двух десятков. Таким образом, керамика подбойных и катакомбных погребений горных районов, так же как и основная масса погребенного инвентаря подбоев и катакомб предгорий, связывается с местным и сарматским материалом.

Из деревянных изделий в погребениях горной группы сохранились открытые миски и блюда на невысоких ножках, аналогичные ферганским и таласским. Предметы вооружения представлены одним крупным железным трехгранным черешковым наконечником стрелы, черешками от еще более крупных, тоже железных наконечников, о форме которых ничего определенного сказать нельзя, очень плохо сохранившимся кинжалом и костяными накладками от сложного лука, концевыми и срединными, похожими на накладки из катакомбных захоронений других районов.

От одежды осталось слишком мало, чтобы ее можно было реконструировать: несколько мелких колечек и пряжка с овальной рамкой и подвижным хоботковидным язычком, сходная с аналогичными изделиями из степных памятников Евразии 2-й четверти I тысячелетия н. э. Далеко идущие выводы на основании этого материала делать преждевременно.

Немного богаче представлены украшения и предметы туалета: сдвоенные бусы с подглазурной позолотой и призматические граненые, аналогичные бусам из других среднеазиатских подбойных и катакомбных могил и из нижневолжских сарматских⁴; подвеска с полым шариком, колечко с зернью и небольшой медальон с вставным стеклом относятся к той категории предметов, которые были распространены в Северном Причер-

¹ Н. Нейкел. Указ. соч., табл. V, 1.

² Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, сравнительная таблица.

³ И. В. Силицын. Археологические раскопки. . . , рис. 64 и табл. I, 1.

⁴ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 25; И. В. Силицын. Археологические раскопки..., стр. 54, рис. 28; P. R a u. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, курганы A5, 22B.

номорье¹. Каменный заостренный стерженек из подбоя в Кызыл-ту, возможно, является инструментом, аналогичным косметическим стерженькам Ферганы и Ташкента². Он находит также параллель в каменном заостренном стерженьке Дараут-Курганского могильника, относящегося ко 2-й половине I тысячелетия до н. э. и увязывающегося с соседним долго существовавшим селищем³. В нескольких могилах найдены мраморные пряслица или амулеты, аналогичные кенкольским. Глиняное биконическое пряслице из Алая — ферганского типа, Тянь-шаньские же цилиндрические скорее сходны с ранними ташкентскими⁴.

Инвентарь подбойных и катакомбных захоронений горных и предгорных районов обнаруживает родство с материалом местных памятников, принадлежность большинства которых коренному среднеазиатскому населению бесспорна. Связь подбойных и катакомбных погребений горных районов Средней Азии с древними памятниками коренного населения удастся также проследить по данным, относящимся к устройству надмогильных сооружений. Помимо того, что насыпи над подбойными и катакомбными могилами Тянь-Шаня и Алая обнаруживают сходство с насыпями подбоев и катакомб предгорий, как об этом сказано выше, они также некоторыми элементами сходны с надмогильными сооружениями коренного местного населения. Так, наличие кромехов в насыпях связывает подбойные и катакомбные погребения Тянь-Шаня с сакскими могильниками. Плоские квадратные каменные выкладки Маашинского могильника связываются с квадратными каменными выкладками могильника у Дараут-Кургана, датируемого 2-й половиной I тысячелетия до н. э., а также с надмогильными сооружениями могильника в урочище Кызыл-Курган⁵, как и Дараут-Курганский, связанного с соседним селищем, которое существовало с начала I тысячелетия до н. э. по первые века нашей эры⁶. Маашинские выкладки копируют дараутские и кызыл-курганские, и их следует признать формой надмогильных сооружений, восходящей к ранним местным образцам. Связывать каменные выкладки Алайской долины с надмогильными сооружениями Ильмовой Пади в Забайкалье нет достаточных оснований ввиду географической отдаленности этих последних и серьезного отличия других археологических категорий⁷.

Таким образом, несмотря на отмеченное нами своеобразие, горная группа подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии связывается с предгорной не только сходством некоторых археологических категорий, не только общим для обеих групп сходством с сарматской культурой, но и общими корнями происхождения от культуры более древнего коренного местного населения, а также и тем, что она не обнаруживает какого-либо органического сходства с восточными или центральноазиатскими культурами. Во всяком случае, в подбойных и катакомбных погребениях Тянь-Шаня и Алая не обнаружено достаточного количества бытовых предметов или данных, относящихся к ритуалу, которые имели бы восточный облик и происхождение. На основании археологического материала какой-

¹ А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 115—126.

² Н. Н. Ершов. О каменных палочках из могильников, стр. 27—32.

³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 196.

⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, сравнительная таблица.

⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 195.

⁶ Там же, стр. 197, 198.

⁷ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой Пади. СА, VIII, 1946.

либо органической связи культуры подбойных и катакомбных погребений горной группы, так же как подбоев и катакомб предгорий, с культурой хуннских племен установить нельзя.

Этот материал дает возможность сформулировать следующие выводы:

1. Основная масса инвентаря подбойных и катакомбных погребений Средней Азии сходна с инвентарем синхронных им памятников коренного местного населения.

2. Ведущие формы керамики подбойных и катакомбных захоронений генетически связаны с древней местной керамикой.

3. Материал подбойных и катакомбных захоронений, взятый в целом, обнаруживает некоторое общее сходство и сходство по отдельным элементам с материалом сарматских памятников.

4. Каких-либо органических связей культуры подбойных и катакомбных захоронений Средней Азии с культурой хуннских племен на основании археологического материала не прослеживается.

Вместе с тем следует отметить, что культура среднеазиатских подбойных и катакомбных погребений первых веков нашей эры является самобытной и нет основания связывать ее происхождение с вторжением или проникновением в Среднюю Азию чужеземных племен или считать, что ее облик оформился в результате чужеземных влияний.

Действительно, в качестве аргументов в пользу предположения, что культура эта возникла в результате внешнего воздействия, можно было бы привести следующие соображения: во-первых, подбойные и катакомбные погребения конца I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры по формальным признакам не связываются с более древними местными; во-вторых, в некоторых из них встречено много вещей иноземного происхождения: восточных — главным образом китайских — и западных — сарматских; в-третьих, их инвентарь находит себе лишь отдельные параллели в инвентаре более древних погребений и поселений той же территории и в целом на него не похож; в-четвертых, в значительном количестве случаев погребенные в подбоях и катакомбах в антропологическом отношении отличаются от древнего коренного населения Средней Азии монголоидными примесями.

Основываясь на этих аргументах и на сведениях, взятых из китайских летописей, А. Н. Бернштам сделал заключение, что подбойные и катакомбные погребения Средней Азии являются памятниками, которые обязаны своим происхождением проникновению на территорию Средней Азии хуннов, т. е. чуждого ей народа, носителя чуждой культуры; что волна этой чуждой культуры, как показывает широкое распространение могильников с подбойными и катакомбными погребениями, постепенно с северо-востока разлилась по всему Тянь-Шаню, Фергане, Ташкенту и Алаю; что эта пришедшая извне волна внесла серьезные изменения в коренную культуру населения Средней Азии (в частности, послужила причиной появления новой конструкции могил на всей ее территории) и, наконец, что последовательные вторжения хуннских орд существенным образом повлияли на культуру Средней Азии вообще и на много веков определили пути ее формирования и развития¹.

Однако такое решение вопроса не подтверждается даже теми фактами, которые используются самим же А. Н. Бернштамом, не говоря об археологическом материале, разобранным выше. Действительно, если обратиться к тем текстам, взятым из китайских летописей, которые приводит

¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 30, 31; е г о ж е. Очерк истории гуннов, стр. 102—117; е г о ж е. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 61—72.

А. Н. Бернштам в подтверждение своей точки зрения, то возникает ряд недоумений, достаточных для того, чтобы самым серьезным образом усомниться в правильности хуннской теории происхождения подбойных и катакомбных погребений Средней Азии. А. Н. Бернштам считает, что поход Чжичжы в Кангюй должен быть расценен как «первое массовое проникновение гуннов в Среднюю Азию»¹. Но ведь из текста летописи, который А. Н. Бернштам не оспаривает, следует, что это был просто бесславный финал западной военной авантюры Чжичжы, а не «массовое проникновение гуннов в Среднюю Азию»!

«Чжичжы в походе потерял много людей, погибших от мороза; только 3000 человек пришли в Кангюй. Впоследствии наместник Гань Янь-шеу и помощник его Чень Тхай пришли в Кангюй с войсками и казнили Чжичжы»².

Второе массовое проникновение хуннов в Среднюю Азию А. Н. Бернштам относит к событиям конца I в. н. э. (разгром хуннов сяньбийцами) и в качестве доказательства своего предположения приводит отрывок из китайской летописи, который должен, по его мнению, свидетельствовать о том, что ставка северного хуннского шаньюя находилась в Семиречье³.

«Оставя обоз у гор Шойе, они (войска Туьтухэ и китайские.— С. С.) разделились на две колонны из легкой конницы и пошли вперед двумя дорогами. Левая колонна, на севере минуя западное море, пришла на северную сторону урочища Хэюнь; правая колонна, следуя западной стороною реки Хуннухэ, обогнула Небесные горы [Тянь-шань] и переправилась через реку Ганьвэй на юг. Здесь обе колонны соединились и в ночи окружили северного Шаньюя»⁴.

Комментируя это место летописи, А. Н. Бернштам пишет: «В этом весьма интересном отрывке совершенно бесспорно выступает локализация северных гуннов в Семиречье, к северу от Тянь-шаня, ибо западное крыло (ю) войска, идучи от Хуннухэ (очевидно, Орхон), обогнуло Небесные горы (Тянь-шань), т. е. зашло с востока в Семиречье. По дороге они перешли р. Ганьвэй (Енисей)»⁵.

А. Н. Бернштам в трактовке отрывка летописи произвольно нарушает последовательность перечисления географических пунктов, которые отмечают путь войск к ставке северного шаньюя. В отрывке сказано совершенно ясно: «Правая колонна... обогнула Небесные горы и переправилась через реку Ганьвэй на юг». Обогнув современный Тянь-Шань, никак нельзя попасть к Енисею и переправиться через реку на юг. Возможно, под Небесными горами в данном случае следует понимать не современный Тянь-Шань, а Саяны, обойдя которые войска Туьтухэ подошли к Енисею с севера и перешли его на юг?⁶ Тогда ставку северного шаньюя следует поместить где-то в районе Монгольского Алтая, а не в Семиречье. Свидетельство о походе Туьтухэ не может быть использовано как доказательство массового проникновения хуннов в Среднюю Азию.

В третий раз, по А. Н. Бернштаму, хунны проникают в Среднюю Азию в начале II в. н. э., когда «Хоянь-князь северных хуннов, распространившись между Пху-лэй-хай и Цинь-хай, полновластно управляет За-

¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 31.

² Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч., т. I, стр. 93.

³ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, стр. 31; его же. Очерк истории гуннов, стр. 109, 110.

⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч., т. I, стр. 128.

⁵ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 110.

⁶ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Указ. соч., т. III, китайская карта Центральной и Средней Азии времени династии Младшей Хань, 26, 13.

падным краем»¹. А. Н. Бернштам считает, что Пху-лэй-хай — это Баркуль, а Цинь-хай — Каспийское море. Даже если допустить это, то все равно приведенный отрывок прямого отношения к Средней Азии не имеет и, во всяком случае, не доказывает, что в начале II в. н. э. хунны в значительном количестве проникали на территорию Средней Азии.

Таким образом, использованные А. Н. Бернштамом отрывки из китайских летописей не могут служить доказательством его точки зрения о массовом проникновении хуннов на территорию Средней Азии.

Сам характер конструкции подбойных и катакомбных захоронений не является хуннским. Такого типа захоронения известны для эпохи бронзы в Причерноморье и на Переднем Востоке, а с конца I тысячелетия до н. э. — только в районе расселения сарматских племен и в Средней Азии, где они распространены от Иссык-Куля до Копет-Дага, представлены значительным числом крупных могильников, т. е. массовым количеством памятников данного типа. В соседних же со Средней Азией восточных странах они пока совершенно неизвестны. Нет их и в коренных хуннских землях.

Наличие в среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронениях восточных вещей, например китайских или восточнотуркестанских шелковых тканей и китайских бронзовых зеркал, ни в коем случае не может служить свидетельством хуннской принадлежности этих захоронений. Китайские вещи проникали на запад с посольствами и путем обычных торговых отношений и были известны в Средней Азии независимо от хуннов и их походов, о чем имеются прямые указания в китайских летописях².

Материал подбойных и катакомбных захоронений, взятый в целом, идентичен материалу широкого круга памятников, принадлежащих коренному местному населению Средней Азии. Это сходство, как мы пытались показать выше³, для подбойных и катакомбных захоронений и синхронных им поселений коренного местного населения устанавливается на массовом материале и является органическим, а не случайным.

Антропологические данные не указывают на вторжение в конце I тысячелетия до н. э. на территорию Средней Азии значительного количества хуннов. В это время население Нижнего Поволжья, Казахстана, среднеазиатского междуречья, Тянь-Шаня и Алая было довольно однородно в расовом отношении. Оно состояло из представителей европеоидных расовых типов, в громадном большинстве брахикранных, генетически связанных с населением эпохи бронзы тех же областей. Этот тип населения в некоторых районах Средней Азии сохраняется до нашего времени. В начале нашей эры или несколько ранее в местной среде появляется смешанное по типу население, представляющее собой тех же европеоидов, но со слабыми монголоидными чертами, которое могло сложиться только вне Средней Азии и, повидимому, задолго до проникновения на ее территорию. Это население в антропологическом отношении сильно отличается и от центральноазиатских хуннов и от гуннов, проникших в Европу. В Средней Азии оно продержалось сравнительно недолго, постепенно теряя монголоидные черты⁴.

¹ Н. Я. Бичурин (Иаккинф). Указ. соч., т. II, стр. 218.

² «Даваньский двор имел множество китайских вещей...». Н. Я. Бичурин (Иаккинф). Указ. соч., т. II, стр. 162; см. также, т. II, стр. 148, 153—159, 192.

³ См. также нашу статью «Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы». СА, XX, 1954.

⁴ См., например, В. В. Гинзбург. Древние и современные антропологические типы Средней Азии. Труды ИЭ, нов. сер., т. XVI, 1953, стр. 379 — 382; е го же.

Таким образом, ни один из аргументов, которые могли бы быть использованы как доказательство правильности выдвинутой А. Н. Бернштамом гипотезы о хуннском происхождении и принадлежности подбойных и катакомбных погребений Средней Азии, в действительности не подтверждает эту гипотезу. Отсутствие же в китайских летописях каких-либо прямых или косвенных указаний на вторжение в Среднюю Азию значительного количества хуннов, при наличии ряда свидетельств, позволяющих с достаточной точностью локализовать места их кочевий вне пределов Средней Азии, заставляет нас признать хуннскую гипотезу происхождения и принадлежности среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений совершенно неправильной, не соответствующей исторической действительности.

Роль создателей культуры подбойных и катакомбных погребений Средней Азии можно было бы приписать сарматам. Некоторые факты могли бы послужить для доказательства такого предположения. Например, единственным районом вне пределов Средней Азии, для которого в конце I тысячелетия до н. э. и в начале нашей эры характерно широкое распространение подбойных могил, являются Прикаспийская низменность и Северное Предкавказье, населенное в то время сарматскими племенами. Сходны и ритуал, и отдельные вещи сарматских и среднеазиатских подбоев. Однако нельзя признать, что культура, представленная среднеазиатскими подбоями и катакомбами, возникла в результате влияния сарматской культуры Нижнего Поволжья.

Прежде всего сарматская культура Нижнего Поволжья представлена погребениями в подбоях и простых или квадратных грунтовых ямах, но не знает погребений в овальных сводчатых камерах, тогда как для интересующей нас средневековой культуры количество погребений в катакомбах и подбоях примерно равное, а погребения в квадратных ямах совершенно неизвестны. Ритуал погребения в сарматских и среднеазиатских захоронениях первых веков нашей эры сходен, но ритуал среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений сходен также с ритуалом захоронений бескуржанных могильников земледельческого населения Ферганы. Материал сарматских и среднеазиатских захоронений обнаруживает лишь сходство отдельных предметов или приемов их изготовления. В массе же своей он самобытен для каждого из этих двух районов. Все эти данные не позволяют отождествлять среднеазиатскую культуру подбойных и катакомбных захоронений с культурой сарматских подбоев.

Вопрос о связях сарматского мира со Средней Азией еще совершенно не разработан. Возможно, что в основе сходства среднеазиатского материала первых веков нашей эры с сарматским лежит не переселение сарматских племен в Среднюю Азию, не подавление среднеазиатской культуры культурой сарматской, а, скорее всего, тесный контакт и, возможно, генетическая общность корней происхождения.

Нет никакого основания считать, что культура населения, оставившего подкуржанные, подбойные и катакомбные захоронения, является культурой хуннских племен. Если бы не новая, неизвестная ранее в Средней Азии, форма могил, ни у кого не явилось бы сомнения в том, что интересующие нас памятники принадлежат коренному населению Средней Азии. Вопрос о генезисе самой конструкции могил остается пока открытым. Совершенно ясно, что подбойная и катакомбная форма не заимствована у хуннов, вопрос о массовом проникновении которых на территорию

Средней Азии в конце I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры вообще должен быть поставлен под сильное сомнение.

Культура подбойных и катакомбных погребений Средней Азии — явление сложного происхождения и характера. Она неразрывно связана с местной коренной земледельческой культурой, но является вместе с тем самобытной культурой предгорного и горного населения, которое вело по преимуществу скотоводческое хозяйство; она сложилась в конце I тысячелетия до н. э. на основе древних местных земледельческой и кочевой культур, впитав в себя элементы культуры народов Поволжья, Центральной Азии и Индии, и в связи с развитием новых форм хозяйства, социальных отношений и идеологических представлений. Ее формирование протекало в условиях передвижения и оседания на землю кочевой части сако-массагетских племен — коренного населения Средней Азии — и активизации отношений с Югом и Юго-Востоком. Но сам механизм формирования культуры нового облика пока остается нераскрытым. Однако генетическая связь ведущих форм керамики подбойных и катакомбных захоронений с древней местной керамикой, сходство основной массы инвентаря подбойных и катакомбных захоронений с инвентарем синхронных им памятников коренного местного населения, отсутствие каких-либо органических связей культуры подбойных катакомбных захоронений Средней Азии с культурой хуннских племен, отсутствие надежных письменных свидетельств о проникновении на территорию Средней Азии хуннов, антропологическая характеристика захороненных в подбоях и катакомбах и конкретные исторические условия, оправдывающие возможность коренных перемен в культуре и идеологии населения Средней Азии независимо от чужеземных вторжений, — все эти данные показывают, что среднеазиатские подбойные катакомбные захоронения конца I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. непосредственного отношения к истории хуннов не имеют и являются памятниками коренного среднеазиатского населения.
